
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Елена Хисамова
(г. Москва)

ХИМЕРА

Работает слесарем-сборщиком на авиационно-строительном предприятии. Пишет стихи и прозу. Постоянный автор «Приокских зорь».

Валентин Петрович Пупиков, тучный мужчина лет пятидесяти возлежал на чистой белой пушистой гостиничной простыне, покрывавшей шезлонг. Он был белокож и рыл, голову его уже венчала обширная лысина. Он оглядывал пляж тусклыми, голубыми, глубоко посаженными в глазницах глазками, с явным пренебрежением к спящему туда-сюда, как он любил выражаться, планктону, то есть к обычным отдыхающим. Сам себя он таковым не считал. Невдалеке стоял худосочный турецкий юноша из obsługi отеля, натянутый, как струна на копузе, готовый броситься по первому зову богатого господина.

Солнце еще не заявило во всю мощь о своих правах и только готовилось упасть расплавленным золотом на благословенные Ликийские земли. Море, необыкновенного в этот час, белого цвета, простиралось к горизонту и там начинало слегка голубеть, пытаясь слиться с небесами, словно огромный хамелеон, чтобы к ночи опять вернуть себе прежний цвет. С другой стороны волшебной красоты гора, сверкая кварцевыми бликами, упиралась верхушкой в небо. Когда-то греческие колонисты называли ее Олимпом и верили, что на вершине живут боги.

Валентин Петрович пребывал в легкой дреме, и мысли его студенистыми медузами дрейфовали в уставшем мозгу от чрезмерно выпитого, вечернего виски и ночной возни с молоденькой нимфой из забытого богом Ухрюпинска. Нимфа была насколько хороша собой, настолько и безмозгла. Мужчина сладострастно вздохнул, причмокнул толстыми, вечно масляными губами и постепенно погрузился в сон.

* * *

Вале с детства не везло. Начать хотя бы с имени. Как он ни старался, ни просил, чтобы его называли Валентин, одноклассники, а потом и однокурсники с усмешкой звали его Валюша. Он вообще всегда был объектом насмешек и приколов, неисто-

щимых на выдумки, своих, как он считал, друзей. Но Валька не злился. Он был на редкость не конфликтен и абсолютно не злопамятен. Про таких людей говорят: не от мира сего. Он часто представлял, как на небесах Господь с длинной белой бородой, делающей его похожим на Деда Мороза, черпает огромным половником из двух чанов, на одном из которых написано «везение», а на другом — «невезение» и раскладывает содержимое по тарелкам, а там уж кому что достанется. Вероятно, Вале при раздаче досталась не та тарелка. Иногда он мечтал: вот бы везение досталось ему, стал бы он богатым, успешным и много чего хорошего смог сделать для людей.

В тот год, когда его жизнь резко изменилась, по весне он с друзьями, не изменяя своей привычке, отправился в поход по Карельским лесам. При всей Валькиной невезучести, ни одна вылазка не обходилась без него. Может, из-за того, что все шишки сыпались только на самого Вальку, не затрагивая остальных участников сборища. К тому же, в поход он всегда брал «курковую тулку», доставшуюся ему от деда, над которой он трясся и берег пуще глаза.

На привале загорелось Вальке отойти рябчиков пострелять. Ребята разоггли костерок, чтоб хоть немного обсохнуть и согреться. Май выдался дождливым и холодным. В лесах еще было много снега и льда. Весна все же витала в воздухе. Одуревшая от любви пара рябчиков заметила приближение доморощенного браконьера слишком поздно. Двустволка плюнула дробью, и одна из птиц свалилась в густой кустарник. Чтобы не мешала, Валька прислонил тулку к дереву и полез в кусты. Чертыхаясь, ободрав руки и лицо ветвями можжевельника, в конце концов нашел вожделенную добычу. Но зато потерял ружье. Казалось бы, совсем неподалеку от кустарника он оставил его. Под этим деревом, нет, под тем. Отчаявшись найти драгоценную двустволку, он бросился к костру. Но рассудил так: опять народ издеваться начнет над его невезучестью. Надо как-то по-другому преподнести. К биваку он подбежал с криком «медведь», ребята подскочили и начали спешно рубить и остругивать колья, сразу обжигая их на огне, для прочности. В течение трех последующих часов, лагерь жил напряженным ожиданием вываливающегося из зарослей медведя, а Валька все это время горестно причитал по потерянной дедовой двустволке, давая на жалость друзьям. Время шло, медведь не появлялся, и ребята решили отправиться, пока не стемнело, на поиски ружья. Буквально через полчаса поисков оно было обнаружено, бережно прислоненным к стволу старой березы. Грозно обступив друга, парни потребовали ответа. Что оставалось Вальке как выложить всю правду? Не везет, так во всем.

Снявшись с привала, в тот день дошагали они до давно заброшенной деревушки, насчитывающей домов этак пять-шесть. Но самой главной достопримечательностью в ней была деревянная церквушка. Разместившись на ночлег в наиболее сохранившемся доме, парни предались поглощению нехитрой снеди и, как заведено по вечерам, приему разведенного до нужной консистенции спирта «Рояль». Валька в коллективе был единственным трезвенником, алкоголь и он просто не могли существовать совместно. Как всегда, напитков оказалось больше, чем съестного, и вскоре все приятели громко храпели в спальных мешках, с большим трудом помещенные туда Валентином. «Черт, и в этом не везет! Был бы как все и не таскал бы эти бесчувственные туши на себе, а весело сопел, и все по барабану»,— сокрушался он. Ночью подморозило. Луна на небе повисла, словно бутафорская на декорациях в театре. Лес жил тайной ночной жизнью, похрустывая сучьями и вскрикивая на разный лад необъяснимыми звуками. Вальке было страшно, но, не отдавая себе отчета почему, он, каждую секунду оглядываясь и вздрагивая, направился в деревянную церковь.

Дверь в церковь отворилась неслышно, словно незримый служка ухаживал за петлями все годы запустения. Переступив порог, Валька испуганно озирался по сторонам. Луна, сквозь узкие проемы окон, с любопытством подглядывала за белым, как

полотно, любителем ночных прогулок. Церковь была абсолютно пуста. Валентин замер. Со стороны, где ранее, по всей видимости, находился алтарь, послышалось еле слышное шипение и треск. Луна, испугавшись, быстро спряталась за удачно оказавшееся поблизости облако. В кромешной тьме стало разгораться слабое голубое свечение. Все ярче, ярче, и вскоре огромный светящийся шар повис в воздухе перед Валькой. В шаре причудливо переплетались изображения невиданных ему существ: то лев с козлиной головой на спине и хвостом в виде змеи; то трехглавый дракон, извергающий пламя; то необыкновенной красоты женщина. Валька не мог пошевелиться, горло стянуло спазмом, и крик застрял где-то в груди. Мелькание образов в шаре убыстрялось, превратившись, наконец, в слепящий пульсирующий свет. В мозгу у Валентина четко прозвучало только одно слово, словно произнесенное бесполом существом: «Исполни!»; раздался громкий хлопок, и шар разлетелся на множество мелких светящихся искр. Они быстро растаяли во тьме, и опять в церкви повисла непроглядная мгла. Он не мог припомнить потом, как добрался до места ночевки и ничего не стал рассказывать друзьям.

Удача свалилась на него неожиданно, осыпая всеми доступными и недоступными благами. Сначала нашелся, невесть откуда взявшийся, двоюродный дед, да не где-нибудь, а в Швеции. Усопший по старости и завещавший все честно нажитое имущество единственному близкому родственнику, то есть ему, Вальке. Счет этого имущества составлял вполне приличную сумму, чтобы открыть собственное дело на родине. Валька выигрывал в казино, в лотерею, на бегах. Деньги липли к нему, словно металлическая стружка к магниту. Он заматерел, растолстел и стал подумывать о том, чтобы баллотироваться в Думу, как адепт одной из партий. О своей мечте, сделать что-то хорошее для людей, если бы он был богат, Валентин Петрович Пупиков так ни разу и не вспомнил.

* * *

Вечером того же дня молодая пассия уговорила Валентина Петровича поехать на ночное шоу, проходящее в горах. Там можно было понаблюдать за потрясающим природным явлением. Всполохи огня, неожиданно возникающие из-под земли то тут, то там. По преданьям, именно на этой горе Беллерофонт на сказочном Пегасе победил ужасную химеру. Девица уморительно канючила, называя его «папулей», надувая губки и царапая студенистое пузо Пупикова акриловыми разноцветными коготками. Тот сдался, предвкушая, что устроит куколке за шоу в номере после экскурсии. Слава богу, есть еще порох в пороховнице.

Шоу было завораживающим. Зажженные факелы, которые несли туристы, вид сверху на черные провалы дыма с вырывающимися оттуда языками пламени. Стоя на смотровой площадке, Валентин Петрович ощутил вдруг неясное беспокойство. В огнях внизу начали мерещиться ему те же странные существа, что привиделись в старой Карельской церкви двадцать лет назад. Необъяснимый ужас ледяной рукой сдавил ему сердце. Он пытался вспомнить слова хоть какой молитвы, но переполненный страхом мозг выдавал только одно: «Я исправлю, я оправдаю». Огненные всполохи слепили глаза и манили призывно к себе.

Через пять суток поиски тела Валентина Петровича в окрестностях горы были прекращены. Дело об исчезновении гражданина Российской Федерации до сих пор осталось нераскрытым.

Яков Шафран
(г. Тула)
Андрей Каретников
(г. Тула)

Яков Шафран

Андрей Каретников

**Главы из нового романа
«Круг замкнулся»***

«ПРАВД МНОГО — ИСТИНА ОДНА»

«Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные и преуспевают. Таков был тот, который, видя, что брат согрешил, вздохнул и сказал: «горе мне! как он согрешил сего дня, так я согрешу завтра». Видишь ли мудрое настроение души? Как он тотчас нашел средство избежать осуждения брата своего? Ибо сказав: «так и я завтра», он внушил себе страх и попечение о том, что и он в скором времени может согрешить,— и так избежал осуждения ближнего».

Прп. Авва Дорофей

Когда Николай Иннокентьевич проводывал свою старушку мать, жившую в родовом имении, в сельце Юзинка, то всегда посещал новый храм, построенный совместно на средства их семьи и крестьянской общины. Высокий, из красного кирпича, с медными куполами, внутри он весь светился белизной стен, которые вбирали в себя лучи солнца, струящиеся через высокие узкие окна, и излучали этот преобразованный, мягкий и теплый свет во внутреннее пространство. Нейтральный белый фон стен позволял полностью сконцентрироваться на образах. Земсков очень любил задолго до начала службы прийти в храм и побыть в его молитвенной тишине, в которой слышалось лишь потрескивание свеч да лампы у икон напоминали о главном, о духовной работе души. От распятия, он всегда подходил к иконе Казанской Божьей Матери, возле которой долго молился до начала службы. А сегодня, после вчерашней беседы у Заянчицких, было о чем помолиться.

Когда началась служба, Николай Иннокентьевич, исповедовавшись, вначале весь отдался песнопениям и действиям, наслаждаясь и купаясь душой в этой чистоте, возвышенности и гармонии. В таком состоянии он мог находиться часами, что и делал ранее, пока настоятель, отец Никодим не объяснил ему, как важно во время службы трудиться сердцем и разумом. Вот и сейчас Земсков все слышимое соотносил с собой, со своей жизнью в настоящем, со своими мыслями, и не только соотносил, но

---

* Действие романа охватывает период с 1913-го года до наших дней.

старался сделать выводы, старался не потом в неопределенном будущем, а уже сейчас, измениться.

После причастия и проповеди он дождался отца Никодима и, получив благословение, был приглашен на трапезу. Отобедав в большой и уютной трапезной, они вышли во двор храма и сели на лавочку в тенистом уголке под раскидистой яблоней.

— Ну, рассказывайте, с чем пришли, Николай Иннокентьевич? — спросил священник, как всегда, с добротой и вниманием глядя на него.

— Был вчера у знакомых на даче, отец Никодим. Глава семейства — доцент, культурный человек, и супруга под стать ему. Имеют дом в Москве, большую дачу в живописном месте, достаток, прекрасных детей, получающих лучшее образование... И откуда столько революционности, желания все поменять, перевернуть на иной лад, скопировать «идеальный», по их понятиям, Запад?

— Э-хэ-хэх... Да, разрушительное начало отражается во многом и на многих. А уж революционность, и вообще, требует отринуть все законы, мораль и нравственность, вместе взятые. Если верующий, многого не принимая в этом мире, старается все же внести в него доброту и любовь, дорогой Николай Иннокентьевич, то для революционера мир — беспощадный враг, которого он должен непременно уничтожить. И люди, не разделяющие таких взглядов, тоже враги. Денно и ночью в нем живет одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение!

— Разрушение ради разрушения...

— Совершенно верно!

— И сколько слов по поводу гуманизма. А чуть встанешь на защиту нашего, русского, народного, заявляют — национализм, ни больше ни меньше!..

— Оттуда и отношение к народу и стране, как к чуждому. Или как к средству достижения любой ценой целей, антинародных по своей сути...

— Я понимаю, отец Никодим, что далеко не все у нас хорошо, а что-то и плохо, честно говоря, да вы и сами это знаете. Но нельзя же из-за этого ненавидеть Россию, народ. Ведь именно в народных началах и в любви к стране — залог нашей жизни и будущего спасительного развития.

— Не только в том, что вы сказали, залог будущего, но, прежде всего, в Православии!

— Говоря о народных началах, я подразумевал, в том числе и Православие!

— Позвольте поправить вас — первым числом! — улыбнулся священник.— И очень прискорбно, что практически вся интеллигенция не понимает и не принимает того, о чем мы с вами сейчас говорим. В этом плане показательно отношение интеллигенции к роману «Бесы» Ф. М. Достоевского. Либеральная и революционная интеллигенция, а это в наше время синонимы интеллигенции вообще, сразу отвергла роман как антиреволюционный и антинигилистический...

После вчерашней грозы земля в тени была еще влажной и множество дождевых червей шевелилось на дорожке. Стоял полдень, солнце было высоко в зените, и под его жаркими лучами от земли поднимались испарения. Словно сквозь зыбкую прозрачную кисею были видны деревья, кусты и прихрамовые строения. Было душно, но воздух был наполнен запахами земли, листьев, трав и цветов, и эти запахи были очень насыщенными, какими они бывают при высокой влажности.

— Когда собственное «я» — центр мира и мера всех вещей,— продолжал отец Никодим,— когда весь мир для меня создан, и когда все для меня, тогда все остальное — вздор, и когда человек на все согласен, лишь бы только ему было хорошо... Это и есть эгоцентризм.

— В данном случае мы говорим не о личности, а об индивидуальности...

— А что вы понимаете под этими определениями, Николай Иннокентьевич?

— Я думаю, что индивидуальность — это такое состояние, когда человек сам по себе и для себя. Личность же, безусловно, имея свое лицо, служит интересам некоей общности людей, в которой живет.

— Но ведь и «западники» считают, что они служат интересам России? Наверное, здесь требуется уточнение. Интересам какой общности? Коренным интересам народа, прямо вытекающим из его традиций и веры, или иным?

— Согласен. И только такая личность может задумываться об общечеловеческом. В противном случае это — либо самообман, либо прикрытие неблагоприятных целей...— сделал вывод Земсков.

— Я продолжу вашу мысль: а цели эти — чтобы за наших людей думали другие, чтобы они жили под управлением других. А для этого необходимо искушить и затянуть в свои сети. Для чего используются, как писал Федор Михайлович, высвобождение самых низменных инстинктов толпы, интриги, смуты, глумление над святынями и кощунство. Толпе и прямо, и, чаще всего, завуалировано внушают: «Нас обманули!», «Найди врага!», «Кто не с нами, тот против нас!», «Чем хуже, тем лучше!», «Разделяй и властвуй!», «Все позволено!», «Цель оправдывает средства!» и прочие. Для стремящихся к высокому и прекрасному это — искушение идеей «всеобщего счастья» и обещание чуда любой ценой, вплоть до насилия, искушение непереносимой для многих мечтателей мыслью о том, что они могут опоздать со своей деятельностью и их могут не взять в светлое будущее. Даже чистейшие сердцем и простодушные люди, не будучи мерзавцами, могут быть обмануты и участвовать в чудовищных злодействах, в самых пакостных и мерзких поступках. А это вдвойне опасно, опасно превращение таких людей в «бесов»!..

Отец Никодим встал и, опустив голову и поглаживая рукой бороду, стал взад и вперед ходить возле лавочки. Земсков тоже встал. Он тоже чувствовал волнение — уж очень важную тему они затронули для обоих.

— Опасно еще и то, что, разглагольствуя о прекрасном светлом будущем, эти совратители, а по сути, авантюристы и экстремисты, стремясь к личной и безграничной власти, не гнушаются безнравственными средствами, что в итоге может привести к краху всего!..

— Согласен, отец Никодим, всякая революция — это бедствие и разруха... А образ мыслей и действий революционеров всех мастей — логическое развитие идей либерального идеализма, духовного отца всех смут русских,— продолжил тему Земсков.

— Наша с вами задача, насколько возможно, через веру в Господа, давать людям надежду единения с народом и Россией, а через них и с миром, чтобы спасти тех, кто еще не попал в бесовские сети, и тех, кто не до конца погряз в них. Через духовное воспитание помочь устоять таким людям, не дать им пасть. Ибо благодаря духовным и нравственным качествам, твердости в вере и трезвости, невосприимчивости ко злу, духовному опыту и мужеству познания,— благодаря этому и образуется человек как коренной национальный тип. Из таких людей и должен состоять народ, вокруг них и образуется нация.

— Помочь людям сойти пока не поздно с пути беспредельного либерализма и встать на дорогу, ведущую к храму. Вы правы, отец Никодим, ибо больны не только одержимые — больна вся Россия. Симптомы этой болезни — атеизм и ненависть к стране. Помочь! В противном случае не миновать нашему народу и стране многих и многих бед.

— Я вот подумал: какое бы это было благо, если бы Господь даровал нам чудо и заблудшие эти поняли, кем они ведомы и направляемы, и, как Степан Трофимович Верховенский, из одноименного романа, во время предсмертной болезни, сказали: «...Это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы выходящие из больного и входящие в свиней — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопив-

шиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!.. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть!.. Это мы, мы... и я может быть первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...».

— Какая у вас прекрасная память, отец Никодим!..

— Помогите Господи, чтобы все, чем мы обладаем, все наши знания и способности, послужили на благо нашему народу и нашей стране и чтобы Господь, видя движение людей к Его Истине, благословил нас и забывал от этой «чумы»! Народная мудрость гласит: «Правд много — истина одна». Истина — это Христос! Цель — исцелившаяся Россия у ног Христа! Только, благослови нас Господь, чтобы мы, рассуждая о негативных явлениях в нашей сегодняшней жизни, не принимая их, не осуждали и не осудили заблудших братьев наших, на какой бы стадии падения они не находились.

— Господи, благослови!..— взмолился Земсков в ответ на слова священника, и они оба почти одновременно осенили себя крестным знаменем.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

«Все же хорошее это было время — время учебы,— подумал Курилов,— хоть одновременно и учился, и работал на стройке, да и «левые» работы выполнял...» — Андрей сладко потянулся, включил зажигание и вырулил на мостовую.

Тогда, после окончания института, он остался работать в том же СУ*, получив освободившуюся должность прораба. Вся работа была Курилову знакома, к тому же он был очень наблюдательным и памятьливым, схватывал все на лету.

Со стройкой у Андрея были связаны воспоминания не только о трудностях, но и приятные. Вот одно из них, о встрече, коренным образом повлиявшей на всю его жизнь ...

...Однажды утром, после ночной работы перед сдачей объекта, Курилов сидел под уличным навесом кафе и завтракал. На душе все еще оставался неприятный осадок от сцены, разыгравшейся накануне. Андрей уже уходил со стройки, когда со стороны будки сторожа услышал крики и громкий женский плач. Он подошел и увидел сидящую на полу, с подбитым глазом и плачущую, сожительницу сторожа, Лиду. Сам же виновник «торжества» уже с утра был пьян и, размахивая руками, громко перемежая слова матом, что-то внушал женщине.

Это был Василий, лет тридцати пяти — сорока (но на вид значительно старше) мужчина, пьяница и дебошир, которого держали на стройке сторожем только оттого, что некем было заменить,— уж очень небольшая была зарплата. Но, несмотря на пьянство, Василий хорошо справлялся со всеми обязанностями. Лидия, красивая женщина — за такими, как говорится, мужчины хвостом ходят,— приехала из деревни и работала дворником за квартиру или комнату в доме по соседству. И, действительно, от мужчин отбоя не было. Но Лида сошлась с этим сторожем — неприглядным, вечно пьяным и грубым мужиком.

«Что же такое любовь? — думал Курилов, по молодости лет еще немного наивный, но, в то же время, достаточно вдумчивый, как это часто бывает с людьми внутренне глубоко порядочными.— Может быть, тяга двоих друг к другу возникает на уровне химии, запахов что ли?.. Ну, чем объяснить, что такая женщина, как Лида, не

---

* Строительное управление — прим. авт.

уходит от Василия, несмотря даже на то, что он ее бьет? Можно было бы подумать, что из-за квартиры. Но у Василия ее нет, он живет в общежитии!..»

Курилов, несмотря на обилие знакомых: и по соседству, и по институту, и по стройке — был фактически одинок. Знакомые не друзья, а те поразъехались. И у него часто возникало желание с кем-то поговорить, излить душу, поделиться сокровенным...

После работы оставалось много свободного времени. Это было так непривычно после окончания учебы, что Курилов вначале никак не мог взять в толк, чем заняться. Пить в компаниях, а этим занималось большинство его женатых и неженатых знакомых, хоть и здоров был, и не официальное лицо какое при исполнении, и не сумасшедший вовсе,— в общем, пить не хотел... И постепенно Андрей стал тянуться к тому, к чему была расположена его душа. По вечерам и в выходные он слушал музыкальные записи, ходил иногда в театр и на концерты. Часто гулял по городу, особенно любил старинные улицы и улочки, парк. Ездил на природу за город, в деревню к родственникам. Читал «Литературную газету», книги — больше классику, но и современных авторов не оставлял вниманием... Любил поэзию — стихи имеющих божью искру литераторов, возжигающих этой искрой пламя в душе, романы о любви...

Что касается любви, то Курилов давно понимал, что это дело опасное. Истории многих его друзей и знакомых и личный, пусть пока и небогатый, опыт говорили об этом... Но, после знакомства с историей Лидии и Василия, Андрей не знал, что и думать теперь. Из опыта и всего, что он слышал, видел и читал, выходило — кто-то один больше или меньше, но страдает. А взаимная любовь настолько редка, что достойна быть увековеченной. И, вот парадокс, мужчина, прекрасно сознавая, каков его идеал женщины, женится, как правило, на женщине далекой от этого идеала. То же самое можно сказать и о женщине...

Работая на стройке и учась на вечернем, Курилов насмотрелся, как многие, убегая от необходимости строить отношения и не задумываясь о серьезном, меняют партнеров так часто, как только могут. А другие делают то же самое, прячась за видимостью примерной семьи. Старые люди, с которыми Андрей любил при случае побеседовать, говорили, что раньше такого не было, что это как эпидемия распространилось сейчас, в девяностые.

Один уважаемый Андреем человек — профессор кафедры строительных конструкций, на которой Курилов писал свой дипломный проект, много проживший, с большой, совершенно седой шевелюрой, но с чистыми ясными и молодыми глазами, как-то в доверительном разговоре сказал парню:

— Любовь, Андрей, это, прежде всего, дружба. Если нет дружбы, то это просто страсть, плотская игра, увлечение. А если еще и сотрудничество ради чего-то, ради какой-то идеи, дела, то это, вообще, идеал. Вот, говоря научным языком, компоненты счастья.

Эти слова надолго врезались в память Андрея...

Курилов был еще и мечтательной натурой. Он часто представлял рядом с собой любимую, и от этого ему становилось так тепло и покойно, таким самодостаточным становился их воображаемый, казалось бы, маленький, а на самом деле такой большой мир, что тот, другой, внешний мир в эти минуты казался дружелюбным источником только всего доброго и хорошего...

После ночи ощущать свежесть утра было вдвойне приятно. Солнце было еще невысоко, и его лучи не испепеляли, а приятно грели и заряжали жизнью и хорошим настроением. На траве газона бусинками блестела роса. Все предвещало хороший день. Но темный край южной части горизонта и заметно усилившийся, с той стороны, ветер говорили о возможной альтернативе. Хорошо сваренный кофе приятно обжигал губы, а почти безлюдная улица побуждала к размышлениям.

Но размышления прервало происшествие на проезжей части улицы. Оно возникло буквально из ничего, так как на мостовой практически не было машин. Вернее, их было всего две. И на краю тротуара стояла голосовавшая девушка, да на лавочке, чуть поодаль, сидела женщина. Они, время от времени переговаривавшиеся, видимо были вместе.

Одна из машин, которая ехала сзади, была такси. И, когда водитель первой машины, видя голосовавшего человека, стал тормозить, такси, резко вильнув влево, стало на скорости обгонять первую машину. А поскольку расстояние до стоявшей уже на краю мостовой девушки было небольшим, таксист поставил свою машину возле клиентки перед самым бампером «Жигуленка». И только мгновенная реакция водителя, который вовремя затормозил, спасла их от столкновения. Таксист, явно желавший таким образом действий перехватить клиента, рассчитывал, видимо, в случае столкновения на отсутствие свидетелей или на свои связи.

Курилов даже приподнялся со стула, следя за разыгравшейся перед ним ситуацией. Он разволновался, так как очень не любил таких рвачей, плюющих на все вокруг, кроме своих сиюминутных желаний.

Из «Жигулей» выбрался грузный мужчина и со свирепым видом направился к таксисту. Тот тоже вышел и, поняв, что добром для него происшествие не закончится, бросился помогать девушке. Подхватив под вторую руку пожилую женщину, которой, по всей видимости, было плохо, они с девушкой повели ее к такси. Это смягчило сердце водителя «Жигуленка», и он ограничился только длинной тирадой, состоявшей практически из одних ругательств.

Через минуту машины мирно разъехались... И тут Курилов увидел ее.

Она шла по улице неспешной походкой, глядя прямо перед собой. Ветер легко шевелил ее длинные, ниже плеч, темные волосы и длинное, из полупрозрачной ткани платье. Андрей почему-то, внутренне, почувствовал, что она одинока. И с ним внезапно что-то случилось, чему он, несмотря на свой логического склада ум, не нашёл определения. Курилов встал и, оставив недопитый кофе, пошел ей навстречу. Что-то острое пронзило ему сердце. Поравнявшись с ней, он остановился.

— Андрей,— просто сказал Курилов.

— Лилия,— так же просто ответила она и взглянула на него своими большими серо-голубыми глазами.

Стрелка часов на стене противоположного здания приближалась уже к восьми тридцати, и на улице появилось много людей, как обычно, спешащих в это время на работу и по своим ранним делам. Солнце исчезло за быстро надвинувшейся тучей, и стал накрапывать дождь. Он собирался быть всерьез и надолго, так как капли падали все чаще и сильнее. И вот полил настоящий ливень. Дождя не было уже с месяц, и небесная канцелярия, видимо, решила восполнить пробел в поставке влаги и отдать ее всю, накопившуюся, сейчас, в это, еще полчаса тому назад волшебное, утро.

— Дождь — это хорошая примета,— сказала она и улыбнулась.

Они побежали под навес. И все люди побежали в помещение кафе, под навес и в единственный открытый в это время магазин на противоположной стороне улицы. Под навесом места всем не хватало, и пришлось все столики и стулья сгрудить друг на друга в углу.

«УЖ НЕ ВЛЮБИЛСЯ ЛИ?..»

А ливень был великолепен. Это был даже не ливень, а водопад. Про такой говорят — льет как из ведра. И лил он мощно, неотвратимо и жестоко, смывая все на сво-

ем пути. Струи воды били по асфальту и по земле, сплошь покрывшейся лужами, вспенивая их, оставляя недолговечные, но появляющиеся все вновь и вновь обильные пузыри.

Дождь рождал вокруг новую реальность, в которой о прошлом напоминали очертания улицы, домов, деревьев и машин, сквозь водяную завесу видимых нечетко, как и подобает прошлому. Новая реальность, рождающаяся из земной зыбкости и небесной хляби, обещала быть очищенной и свежей.

В скученности под навесом рука и бедро Андрея случайно коснулись Лилии. Она трепетно вздрогнула от этого прикосновения и вновь взглянула на него. Сказочное присутствие рядом красивой молодой женщины, которой не было еще несколько минут тому назад, волновало и будоражило Курилова, и захватывало, вместе с тем, в немного пугающий, но сладостно-томительный плен, очаровывало и манило своей многообещающей неопределенностью. Он старался отвлечься, чтобы не замечать пупырышек на ее тонких руках, груди и шее, не замечать влекущих и желанных деталей ее красивой фигуры, которые так откровенно облегалo тонкое промокшее платье.

Под навес прибывали все новые и новые люди, они вжимались в среду уже стоящих там, производя движение, которое передавалось соседям. От этого Андрей и Лилия поневоле продолжали соприкасаться. И как старательно он ни отводил свой взгляд, его обжигали эти случайные прикосновения, заставлявшие мысли нестись во весь опор и не совсем в ту сторону, куда бы ему хотелось. Курилов ничего не мог с этим поделать, хотя внешне это никак не проявлялось.

Ливень то утихал, переходя в слабый по сравнению с водопадом дождь, то усиливался вновь, стараясь стать еще пуще прежнего. Струи его били и по стойкам навеса, отчего вокруг разлетались мириады брызг, словно осколки на миг блеснувших бриллиантов.

Лилия изредка взглядывала на Андрея, красивого статного парня, так вдруг возникшего перед ней и теперь стоящего в такой близости. Судя по румянцу щек и дыханию, быстрому, поверхностному, с едва заметным, но очень волнующим дрожанием груди, можно было судить, что у нее внутри творилось то же самое, что и у него.

Смахнув с лица упрямую прядь волос и ладонью стерев со лба капли влаги, Лилия решила первой нарушить молчание.

— Интересно, надолго ли дождь?

— Обычно ливни долгими не бывают,— авторитетно, с уверенностью хорошо знающего дело человека ответил Курилов.— А вот будет ли он затем моросить и как долго, это уже другой вопрос.

— Понятно...

Произнося эти ничего не значащие фразы, они несколько раз обменялись взглядами. И вдруг Андрей понял — эта совершенно незнакомая, красивая женщина, которая через мгновения может исчезнуть также внезапно, как и появилась,— самый дорогой, желанный и необходимый ему сейчас человек. Курилову захотелось обнять ее, закрыть и спасти от неведомой опасности, открыть и преподнести ей свое сердце, захотелось ввести со всеми ее загадками и тайнами в свою жизнь, в которой так не хватало до сих пор ее — этой прекрасной и внезапно ставшей такой дорогой женщины на свете.

Лилия уже поняла, что творится с внезапно оказавшимся в такой близости с ней мужчиной. Ведь и она еще полчаса тому назад совершенно не ждала ничего подобного. И именно поэтому находилась в таком восхитительном и радостном состоянии, которое она так часто ждала, подсознательно, давно и с замиранием сердца.

Они не сказали друг другу и нескольких слов, но оба чувствовали, что эта встреча, начавшаяся как приключение, может перерасти в нечто серьезное.

«Может?» — мысленно спросила она и одновременно настороженно, ожидающе и радостно распахнула на него свои серо-голубые лучащиеся глаза.

«Да!» — сказали в ответ глаза Андрея, и его рука нашла ее руку.

Выражения их лиц, видимо, отличались от выражения лиц окружающих людей, и на них стали все чаще бросать любопытные взгляды. И, действительно, каждый из них видел просветленные глаза и уже понимал, что они, одновременно, и отражение глаз другого, и причина их собственного сияния. На их лицах проблескивали едва заметные улыбки, и в этот момент они были готовы расцеловать весь мир.

Внезапно стало светло. Последние капли стукнулись об асфальт, еще недавно мощный ливень прекратился, как будто его и не было. И только бурный поток, шумевший вдоль мостовой, и огромные лужи напоминали о недавно разыгравшейся стихии. Яркие солнечные лучи пронзили все вокруг и всеми цветами радуги заставили сиять мириады невесть откуда взявшихся драгоценных камней на листьях, траве газонов, уличных ограждениях и проводах.

Они шли по этой омытой, свежей и новой для них улице, в окружении мириад маленьких сияющих солнц, держась за руки...

...Это давнее воспоминание согревало Андрея весь вечер, и дома жена его, Лилия, даже несколько раз подозрительно взглядывала на него — «Уж не влюбился ли, что-то уж больно светиться?»

Алексей Яшин
(г. Тула)

ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ БОЦМАНА *Морская быль*

◆ Большой противолодочный корабль «Адмирал Гремихин»* уже вторую неделю нес дежурную вахту в Северной Атлантике, выслеживая и сопровождая американские стратегические и ударные атомные подводные лодки.

На дворе стояла еще холодная в этих широтах первая половина мая-месяца, но солнце уже не заходило за небосвод. Довольно занимательное зрелище: огромный крейсерский корабль казался в шесть утра абсолютно безлюдным: ни одного признака жизни на палубах.

Тем не менее, корабль, с виду безлюдный, мчался по курсу норд-ост со скоростью пассажирского поезда. Во всех внутренних отсеках чутко несли службу матросы, старшины и офицеры дежурной команды, каждый в своей боевой части, согласно корабельному расписанию. Гидроакустики прильнули к экранам своих аппаратов. В полной боевой готовности находились торпедисты у атомных и обычных торпед, а также ракетчики у стеллажей с подводными крылатыми ракетами. В кормовом отсеке несли вахту «бомбисты», расположившись вдоль транспортеров с бочками глубинных бомб.

В своих рубках на дежурстве находились боевые части всей той «арматуры», что был обвешан корабль для надводного боя с кораблями противника и его же авиацией. Всевозможными типами ракет, пушек и систем залпового огня.

Со стороны для незнающих людей корабль смотрелся как огромная муха, а точнее — пчела, собравшая полный взяток и возвращающаяся в улей вся обсыпанная чем угодно. Тем не менее, каждый винт или болт исполнял на корабле свою самую важную для него роль.

◆ Вот и появились первые жители корабля. На палубу поднялся из капитанской рубки командир корабля, капитан второго ранга, проще говоря по-флотски, кавторанг, молодежавый, сорокалетний Евтеев Вадим Сергеевич. Тотчас же строевым шагом со стороны рубки полубака к нему подошел, отдавая на ходу честь, боцман корабля, или иначе говоря, главный корабельный старшина Анисимов, в разговорном корабельном языке Анисимыч

Но командир, ввиду безлюдства палубы и давних служебно-приятельских отношений с боцманом, махнул ему рукой: дескать, не козыряй. Командир непонятно виноватым голосом сказал боцману:

— Понимаешь, Анисимыч, позволил себе сегодня минуток пятьсот поспать. Устал очень за двое предыдущих суток. Так что старпом за меня отдувался. А ты чего не спишь, тебе по регламенту положено?

— Так ведь, товарищ командир, хозяйство-то какое огромное,— и боцман правой

---

* Название вымышленное. Им мог быть любой из кораблей этого класса. А их числилось в реестре Северного флота на момент описываемых событий, то есть начала 1980-х годов, пять единиц. — Прим. авт.

рукой обвел всю палубу, боевые рубки и зачехленное оружие надводной части.— Дозвольте полюбознаться, товарищ командир, что это мы так рано на свою базу идем? Нам ведь еще неделю дежурить?

И хотя боцману не полагалось знать боевых задач корабля, командир все же охотно рассказал:

— Понимаешь, Анисимыч, мы сейчас идем на хвосте «двойного доллара».

Боцман понимающе кивнул. «Двойным долларом» называли в советском флоте атомную стратегическую подводную лодку «Джордж Вашингтон», портрет которого красуется на однодолларовой купюре. Если в советском флоте подлодки не имели именных названий, а именовались по трехзначному номеру проекта, то у американцев лодки имели фамильные названия. Причем они именовались так: лодка такая-то типа такого-то, причем в качестве типа такой-то указывалась подлодка, первая в данной серии. Причем «долларов» было изготовлено пять штук, а «двойной доллар» открывал эту серию, поэтому именовалась подлодка «Джордж Вашингтон» типа «Джордж Вашингтон». Вот отсюда и название «двойной доллар».

◆ До побудки отдыхающего экипажа корабля оставалось еще полчаса. Командир посмотрел на часы — подарок командующего флотом и, чем-то обеспокоившись, поинтересовался:

— А где наш Федор? Как он сегодня поработал?

Услышав свое имя, из-за первой рубки вышел кот Федор: огромный, рысьей раскраски, он почтительно подошел к командиру и боцману и присел строго по ранжиру справа от боцмана. Он четко различал своих командиров. Хотя командир и боцман были одеты в одинаковые демисезонные офицерские шинели, на головах имели такие же одинаковые фуражки, оба были в усах, но Федор их хорошо отличал: командир помоложе, постройнее, а боцман — как сундук. К тому же у боцмана на погонах было три звезды старшего мичмана, но маленькие да в один ряд, а у командира всего две, зато большие и поперек погон.

Боцман Анисимов похвалил кота Федора как своего непосредственного подчиненного:

— Товарищ командир, Федор-то сегодня отличился: задавил сразу шесть крыс! Я видел, как наш кот их всех выложил у борта полубака, а потом сбросил их лапами в море.

— А кто же его научил так, а, Анисимыч?

— Да это, товарищ командир, я его за два года так выштудировал. Помните, в прошлом году, когда метровый снег выпал на палубу? Так он, кошачья душа, через снег повыбрасывал крыс за борт! Как генерал Барбакадзе.

Здесь оба рассмеялись, вспомнив анекдот, рассказанный три года назад только что прибывшим на корабль еще молодым лейтенантом Шалвой Барбакадзе.

◆ Когда лейтенант Барбакадзе прибыл на корабль, тот стоял на рейде в Северном море. Именно поэтому командир разрешил «прописку» нового офицера в кают-компанию. Шалва расстроился: выставил на стол несколько бутылок коньяка и водки, а кок Афромейч приготовил соответствующую закуску.

Выпили, познакомились с новым членом экипажа, а потом перешли, как и принято во флоте, к анекдотам. Барбакадзе порозовел и сказал:

— А вы знаете, товарищи офицеры, у меня очень неудобная для Грузии фамилия.

— Почему? — заинтересовались офицеры.

— А потому, — ответил лейтенант, — что у нас в Грузии после войны появился анекдотический персонаж — комдив генерал Барбакадзе. И возникло много анекдотов о нем.

Персонаж этот, конечно, вымышленный, все анекдоты рассказываются якобы от

его лица: хвастуна, гуляки, любителя застоля и женщин. Вот для примера один анекдот. Генерал Барбакадзе рассказывает:

— В феврале сорок третьего года на всем советско-германском фронте выпал трехметровый снег. Все боевые действия приостановились, самолеты не летают, танки не идут, пехота не воюет.

Я тоже отдыхаю в своем дивизионном блиндаже. Справа на генеральское плечо медсестричка голову положила, слева — связисточка. Я играю на гитаре, пою романсы. На столе генеральский грузинский коньяк и хорошо приготовленная селедочка. Вдруг — звонок телефона.

Я подхожу. Беру трубку и слышу голос: «С Вами говорит Поскребышев, секретарь товарища Сталина. Сейчас с Вами будет говорить сам товарищ Сталин».

Я мигом выгоняю девок в предбанник блиндажа. Становлюсь по стойке «смирно» и, с волнением в голосе, говорю: «Слушаю Вас, товарищ Сталин». И в ответ: «Товарищ Барбакадзе! На Вас одна надежда. Надо срочно из первых уст узнать планы немецкого командования на весенне-летнюю кампанию этого года. Об исполнении — доложить». — И Сталин положил трубку.

Я за руку втаскиваю из предбанника связисточку и сажаю за телефон: вызывать моих молодцов-разведчиков. Через десять минут являются и они, все в снегу. Объясняя задачу, а они говорят: «Товарищ генерал! Как же мы пойдут, если все кругом покрыто снегом?» А я им говорю: «Вы только ордена умеете получать и водку пить! Идите... Сам в разведку пойду».

Надел я ватные шаровары, валенки, полушубок и шапку. Взял компас, чтобы не ошибиться, где запад, вышел из блиндажа и, как крот, двинулся под снегом.

Сутки ползу, двое, потом счет времени потерял. Ну, думаю, замерзну, но приказ товарища Сталина выполняю.

И вдруг, смотрю — крышка люка. А из-за края крышки виден свет и слышна немецкая речь.

Осторожно отодвигаю крышку — ба! Оказывается, дополз до бункера Гитлера. И действительно — в комнате огромный стол, на нем карта восточного фронта. По одну сторону стола стоит по стойке «смирно» весь немецкий генштаб. Тут же Гиммлер, Геринг, Геббельс... По другой стороне стола ходит Гитлер с остро отточенным красным карандашом. Подходит к нижнему краю карты, спрашивает: «А кто нам противостоит на южном фланге фронта?» Генерал Гальдер, начальник генштаба, с волнением в голосе отвечает: «Маршал Рокоссовский, мой фюрер».

Гитлер говорит: «Да, это серьезный противник. перебросить туда пять пехотных дивизий, две танковых и усилить авиацию».

Гитлер переходит к верхнему краю карты, спрашивает: «А кто у нас на северном фланге?» Гальдер с видимым волнением отвечает: «Маршал Жуков, мой фюрер».

Гитлер говорит: «Да-а, это еще более серьезный противник. перебросить туда две пехотные армии, одну танковую, четыреста «юнкерсов» и полсотни «мессершмитов».

Гитлер ходит вдоль карты, делает пометки, задает вопросы. Затем доходит до центрального фронта и спрашивает Гальдера: «А кто нам противостоит около деревни Хрипуновки?» Гальдер плачущим голосом отвечает: «А здесь дивизией стоит генерал Барбакадзе».

Гитлер в ярости ломает свой красный карандаш, садится на стул, обхватывает голову ладонями рук и пять минут молчит. Затем встает с бледным лицом, с челкой, упавшей на нос, и мертвым голосом произносит: «Все, проиграли войну».

Также и кот Федор проползал к борту корабля через метровый слой снега, каждый раз неся в зубах по огромной корабельной крысе.

◆ Наступило время побудки отдыхающей части экипажа. Боцман взял в руки

свой знаменитый серебряный свисток с надписью «Броненосец Петропавловск» и искусно проиграл мелодию побудки.

Кот Федор, которому не нравился стук о палубу сотен матросских башмаков, тут же пулей помчался в сторону люка в камбуз, где располагался его дневной коврик. Кок Афромеич уже загодя поставил у коврика миску со вчерашней отварной треской. Кот Федор съел два-три куска, свернулся клубком на коврике и мирно заснул после ночных трудов. С дежурными по камбузу кок Афромеич был занят приготовлением завтрака для обеих команд корабля, но успел одобрительно взглянуть на Федора и улыбнуться. Кому, как не ему, ответственному за продуктовую часть корабля, были известны каверзы корабельных крыс. Их не брали никакие яды и отравы. Хитрые и умные животные могли сожрать все, что угодно. Особенно страдала от крыс разветвленная корабельная кабельная сеть. Как изощренно и досконально не досматривали все многочисленное оборудование, все продукты, которые поступали на корабль, но никто и никогда так и не мог догадаться, каким же образом эти серые бестии проникали в трюм. Боцман Анисимов гордился, что два года назад принес в кармане своей шинели маленького котенка из знаменитого семейства особых кошек-крысоловок, которых разводили специально для кораблей в поселке, или по-местному, становище Верхняя Ваенга, что на окраине Североморска. Как говорят старожилы, эта порода была завезена сюда из архангельских Соломбал еще век назад, когда здесь появились пароходные компании и военные корабли Флотилии Ледовитого океана. Поэтому все боцманы кораблей и судов брали котят отсюда за умеренную плату — ящик мойвы.

С тех пор котов ставили на довольствие, которое те честно отработывали. Коту же Федору на его коврике снились боевые сны. Как под вечер, перед ужином и дежурством в трюме, когда корабль вернется на базу в Североморск, боцман Анисимыч пошлет его с матросом-порученцем на шлюпке в родную деревню, где кот Федор будет неделю отдыхать. Боцману же во время стоянки на рейде не раз вспомнится рысьей раскраски кот Федор. Стоя у борта с папиросой в руке, боцман будет напевать старую матросскую песенку:

*В кейптаунском порту с какао на борту
«Жаннетта» поправляла такелаж.
Но, прежде чем идти в далекие пути,
На берег был отпущен экипаж...*

Олег Корниенко
(г. Сызрань)

РАССКАЗЫ

Родился 6 февраля 1954 года на Украине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. Служил в СВВАУЛ бортехником, начальником ТЭЧ звена, помощником начальника воспитательного отдела училища летчиков по культуре. В 1985—86 гг. выполнял интернациональный долг в Республике Афганистан. Награжден 8 медалями, в т.ч., «За боевые заслуги». Майор запаса.

Сотрудник Сызранской центральной городской больницы — редактор газеты «Ваше здоровье».

Участник 5—7-го Всероссийских семинаров писателей Армии и Флота, 8-го Всесоюзного совещания молодых писателей (1984 г.). Печатался в коллективных сборниках «День поэзии», «Молодежная волна», «Поиск», «Самарская Лука», «По законам военного времени», «Славные дочери Сызрани», альманахах: «Истоки», «Витрыла (Киев), в журналах «Смена», «Аврора», «Московский вестник», «Советский воин», «Московский журнал «История государства российского», «Будь здоров!» (Москва); «Истоки», «Новый Енисейский литератор», «Енисейка» (все — Красноярский край), «Мономах» (Ульяновск). В антологиях: «Сызрань. Очерки истории» (2008 г.), «Сызрань литературная» (2008 г.), «Писатели Самарского края» (2009 г.). Лауреат пятой Артиады народов России, премий «Город» (1999 г.) и «Признание» (2006 г.)

Член Союза писателей России. Член правления Самарской областной писательской организации. Член Товарищества детских и юношеских писателей России. Председатель областной организации «Содружество детских писателей». Проживает в г. Сызрани Самарской области.

ВОЗДУШНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Г. Цыпленковой

Тимка с Федькой стояли и широко раскрытыми глазами смотрели, как Валерик надувает водородом шарик. Обыкновенный магазинный шарик через несколько минут должен был стать необыкновенным. То есть, летающим.

— Прямо чудо какое-то, — все больше удивлялся Тимка, глядя как шарик, одетый на горлышко большой бутылки, все увеличивался и увеличивался в размерах.

— И никакого здесь чуда нет, — заметил Валерик. — Чистая химия: смешиваем растворы медного купороса и поваренной соли и бросаем туда алюминиевую проволоку. В результате реакции выделяется водород.

— Какой соли? — переспросил Тимка. Медный купорос он знал и раньше. Дедушка весной опрыскивал им деревья.

— Обыкновенной. Какую мы в пищу кладем.

— И что он, действительно, полетит? — любопытство распирало Тимку.

— Водород легче воздуха. Значит, должен полететь, — ответил Валерик.

— Чего пристал к человеку? — толкнул Тимку Федька. — Тоже, что ли, шарик надувать собрался?

— А почему бы и нет. — Тимке не терпелось самому проверить: выделяется ли в результате реакции водород.

— Ты уже фосфор добыл один раз? — ухмыльнулся Федька.

Случай с добычей фосфора Тимка запомнил на всю жизнь. Федьке на день рождения подарили часы со светящимися от фосфора цифрами и стрелками. Все ребята завидовали Федьке. Толстушка Светка, у которой отец был ветеринарным врачом, сказала, что впервые фосфор получили, выпаривая мочу животных. Тимка решил это проверить. Он наполнил консервную банку своей мочой и поставил на керогаз. В итоге он так нахимичил, что все потом в дом через вторую веранду заходили, пока эту не проветрили.

А шарик, действительно, полетел. Задрав головы, ребята следили за ним до тех пор, пока тот не растворился на фоне серого весеннего неба.

Тимка без колебаний решил попробовать самому надуть шарик. А чем он хуже Валерика? Тем более, что тот объяснил, что и как надо делать: сделать раствор и бросить проволоку. Что может быть проще! Да и Федька после этого, возможно, хвост подожмет.

Первый компонент, соль, Тимка раздобыл быстро. Бутылку из-под шипучки и кусок алюминиевой проволоки он тоже нашел без труда. А вот остался ли после деда медный купорос? Но и его он вскоре отыскал в отцовской мастерской. Слово «купорос» на пакете кем-то было исправлено на «попарос».

— Ты чего там химичишь? — поинтересовалась мать. — Избу, смотри, не сожги...

Когда раствор в бутылке забурлил, Тимка не без труда одел на горлышко зеленый шарик, оставшийся после октябрьских праздников. Тимка где-то переборщил, потому что раствор выплескивало в шарик, мешая ему подняться. Тимка отлил раствор и опять одел шарик. Когда он стал величиной с футбольный мяч, Тимка перевязал его и снял с бутылки. Шарик, точно намагниченный, рванул вверх и точно прилип к потолку. Тимка глядел и не мог налюбоваться на свою работу. Он все еще не мог поверить, что *сделал это*. Несколько раз Тимка подходил и трогал шарик за хвостик, но потолок шарик почему-то стал дороже Тимки. Но он не обиделся, а скорее жалел, что этого никто не видит.

Тимка долго не мог заснуть. Он смотрел на шарик, покачивающийся под потолком, представляя, как высоко он завтра поднимется и где-то опустится. Где-то? А если к шарик привязать записку с адресом, то Тимка обязательно узнает где приземлился шарик! Он вскочил с постели, включил настольную лампу и написал записку. Дважды перечитал ее, указал адрес и сложил вчетверо.

На другой день Тимка рассказал про письмо Валерику и Федьке.

— Здорово! — сказал Валерик. Решение отправить шарик с письмом одобрил и Федька.

Шарик, как застоявшийся конек, плясал в руках у Тимки, рвался в небо.

— Можно я запущу? — умоляюще посмотрел Федька.

— Пускай, что мне жалко?

Федька подержал шарик, потрогал записку и разжал пальцы. Шарик, поднимаясь, весело, точно рукой, махал ребятам бумажкой: пока, мол, ждите ответа!

Но письма все не было и не было. Тимка даже запомнил время, когда приходит почтальон дядя Володя и спешил его встречать. Но кроме газет и пенсии бабушке, редко что было.

Прошло немало времени, прежде чем однажды дядя Володя принес письмо. Письмо было из Павловки. Тимка быстро открыл конверт, развернул вырванный из школьной тетради листок. В письме говорилось, что шарик с запиской получили и ждут ребят в гости.

До Павловки было километра четыре и ребята не стали надолго откладывать свой визит. И что такое четыре километра для их велосипедов!

Встретила их невысокая полноватая женщина в очках.

— Вы, наверное, к Саше? — спросила она и, не дожидаясь ответа, сказала:

— А Саши нет дома, он в районной больнице.

И она рассказала, что случилось с сыном. Соседский мальчишка залез высоко на дерево, чтобы снять котенка, а обратно слезть не смог. Сидел и плакал. Котенок жалобно мяукал. Саша полез за ними. Когда до земли оставалось немного, мальчонка-то с котенком прыгнул, а под Сашей ветка обломилась и он упал, ударившись головой о землю. Все, казалось бы, обошлось, но Саша стал быстро терять зрение. Сейчас ему нужна срочная операция, нужны деньги. Вы ребята, извините Сашу, что долго не отвечал. Когда я увидела в огороде ваш шарик с запиской, Саша был уже в больнице. Я ему о вас обязательно расскажу.

Она замолчала.

Домой ребята ехали молча, потрясенные рассказом Сашиной мамы.

— Давайте надует шарик и напишем письма с просьбой помочь Саше, — предложил Федька. Все-таки светлый человек Федька, и мысли к нему приходят всегда светлые.

И работа закипела. Тимка надувал шарик, Федька писал письма, а Валерик их привязывал. Когда все было готово, они выпустили их в небо. Разноцветные воздушные почтальоны стайкой поднялись выше деревьев и дома, а потом разлетелись в разные стороны по своим пока еще неизвестным адресам.

РАНЕНЫЙ «ОРЛЕНОК»

О том, что в нашем микрорайоне будет проходить военно-патриотическая игра «Орленок», мы с Валериком узнали из объявлений, расклеенных почти на каждом доме. В этой игре мы были не новички. У нас даже была своя команда с грозным названием «Динамит». С толстушкой Светкой, капитаном нашей команды, мы всегда занимали призовые места — второе или третье и никогда первое. Может быть, сегодня нам повезет?

Чтобы не опоздать на построение, мы всю дорогу бежали, представляя: как волнуется Светка. Ничего, похудеет килограмма на два, это ей полезно.

Команд было семь. После поздравления депутата, всем ребятам раздали ленточки, похожие на российский триколор и булавки. Светка быстро, как будто ежедневно это делала, приколотла нам ленточки к рубашкам. Команда под № 3 «Динамит» к соревнованиям была готова.

Светка бегала к судьям, к организаторам соревнований. Она им что-то говорила, они ей отвечали, размахивая руками.

— Надо пробежаться по трассе. Так сказать, проверить ее на зуб, чтоб меньше было проблем, — предложила нам Светка.

С этим согласились все, и, когда до начала соревнований осталось десять минут,

мы быстро прошли маршрут: противогазы, полоса препятствий, оказание первой медицинской помощи, преодоление рва, «мышеловка», «паутина»...

Валерик скривил презрительно губы и поплевал на ладошки:

— Элементарно. Первое место у нас в кармане.

— Не скажи, — оглянулась Светка на трассу. — Одно дело со стороны смотреть, другое — соревноваться.

После короткого инструктажа на старт вышла первая команда.

Наша очередь была еще не скоро, и мы расположились так, чтобы видеть все этапы соревнования.

— «Динамит»! Где у нас «Динамит»?! — крикнула в рупор судья.

Мы выросли перед ней как грибы после дождя.

— Готовы? — спросила она.

Светка только открыла рот, чтобы ответить, как за спиной кто-то рывкнул:

— Так точно!

Это был Валерик.

— Ваш девиз?

И мы дружно, хором, во весь голос прокричали:

*Мы команда классная
И взрывоопасная.
Кто сегодня победит?
Ну, конечно, «Динамит»!*

Судья бросила взгляд на трассу (она была свободна) и скомандовала:

— На старт! Внимание! Марш!

И мы рванули с места. Первый этап — «стометровку» — мы пробежали быстро и бросились к противогазам. В них надо было пробежать второй этап, метров 20, потом снять и отнести противогазы обратно.

Мы уже добежали до финиша, когда услышали за спиной страшный рев. По звукам — за нами мчался слон. Слоном оказался Валерик. Его алые щеки выглядывали из противогаза, и, вместо того чтобы бежать вперед, он топтался на месте и трубил. Мы подхватили Валерика под руки и быстро потащили к финишу. Только там выяснилось, что не была снята заглушка на противогазной коробке, и Валерик чуть не задохнулся.

На третьем этапе нас ждала врач с повязкой «красный крест».

— Вам задание: мальчик потерял сознание, — сказала она. — Ваши действия?

Мы посмотрели на Светку. Все-таки папа у нее врач, пусть и ветеринарный.

— Привести его в чувство, — тяжело дыша, бросила Светка.

— А конкретнее? Надо дать больному... — врач пыталась нам помочь.

— Мороженое, — запрыгал от находчивости Валерик.

— Еще одно слово и ты вместо мороженого в ухо получишь, — показал я кулак Валерику.

— Дать больному понюхать нашатырь, — вспомнила Светка.

— Правильно! — похвалила нас врач. — А теперь на «тарзанку».

Так же легко, но не без проблем мы преодолели «тарзанку», качающееся бревно, отстреляли из «воздушки» и замерли перед последним испытанием — «паутиной».

— Прижимайтесь к земле, когда будете ползти под сеткой, — напомнила нам судья. — Касаться ее нельзя. И не спешите! Главное — не скорость, а отсутствие штрафных очков.

Сетка была натянута так низко, что Светка не могла ее не задеть, но тут случилось ЧП, которое спасло Светку.

Я прошел этап быстро и ждал Валерика. Он упал под сетку и так заработал руками и ногами, что мы чуть не потеряли его в пыли.

Когда же сияющий Валерик появился на финише, он напоминал индейца: грязное от пыли лицо и белые зрачки.

— Ну, как я? — сияя, спросил он.

— Можно было и лучше, — заметила Светка. — А что это у тебя с ногой?

Все посмотрели на левую ногу Валерика и только тут заметили, что она в крови.

Валерик побледнел, и, чтоб он не упал, мы усадили его под дерево. А Светка побежала за врачом.

Врач быстро осмотрела рану.

— Скорее всего, стеклом поцарапался, — доложила она судье.

— Мы ведь всю дистанцию перед соревнованием осмотрели, — судья виновато развела руками.

Врач дала понюхать Валерику нашатырного спирта, обработала рану перекисью водорода и наложила повязку.

— Как дела у «Динамита»? — спросила она судью.

— Скорее всего, 3-е место.

— Как третье? — чуть ли не вскочил Валерик. — Да если бы не ранение, мы бы обставили всех.

Судья соревнований еще раз посмотрела на списки, потом на доктора:

— Второе место, в принципе, они заслужили.

— Ура! — взорвался «Динамит» от радости.

Домой мы возвращались не спеша. Во-первых, сказалась усталость от соревнований. Плюс, как призерам, каши нам дали с добавкой. Валерика мы вели по очереди. Каждый из команды считал за честь помочь раненому герою. Хотя хромать Валерик почти перестал. Все понимали: без него, мы ни за что бы не завоевали второго места.

Уже возле дома, прощаясь, Валерик заметил:

— Чепуха! Какой я герой. Вот если б и вторая нога была ранена, — первое место у нас было бы точно!

ДЕКОРАТИВНЫЙ ЗЯКА

Дочери Анастасии

Зяка появился в квартире Емелиных не случайно. Его подарил Наде на день рождения Колька, двоечник.

— Вот. Это тебе, — краснея, пробормотал Колька и протянул Наде подарок.

Списывал Колька не часто, но его подарок Наде понравился.

В коробке из-под обуви, дрожа от страха, сидел рыжий, с пышными бакенбардами и коричневыми глазами зайчонок и шевелил носом. Скорее всего, он так дышал.

— Это что еще за чудо? — недовольно спросил папа.

— Папа, он такой пушистый. — Надя взяла зайчонка на руки и поцеловала в пушистую щеку.

— А если он цапнет?

— Не цапнет, — спокойно ответил Колька. — Он добрый.

Колька, хотя и был двоечник, но животных любил. У него в квартире жили кот, шенок, две черепашки и большой говорящий попугай.

— Ну, и чем вы его кормить собираетесь? — поинтересовался папа.

— Он все кушает: хлебушек, травку. Насыпали «геркулеса» — тоже не отказался, — сказал Колька.

— Ну, ну,— папа осуждающе посмотрел на маму, но та и сама была не рада новому квартиранту.— С попугаем хлопот не оберешься, а тут еще и зайчонок.

— Это декоративный кролик,— поправил папу Колька.

Проблемы начались сразу же, как только за Колькой закрылась дверь: где будет спать Зяка (Наде послышалось, что именно так мама назвала кролика), из чего будет есть и что делать, если заболит.

Кролика на ночь посадили в картонную коробку из-под телевизора. Но он не хотел еще спать. Скорее всего, привык к другому распорядку. Он встал на задние лапки и начал скрестись, пытаясь выбраться. И выбрался: прогрыз в коробке отверстие и счастливый оказался на свободе

— Вот это да! — все от удивления вытаращили глаза.— И что с ним делать?

Зяку закрыли в ванной. И тише для всех, и надежнее. Он немного побушевал в темноте, но вскоре затих.

На следующий день — свобода! Зяка осторожно продвигался, изучая квартиру. Лапки на линолеуме непривычно расползались. И это было смешно. Он, действительно, был потешен, и его хотелось трогать и трогать, но в руки он не давался, и забирался туда, где достать его практически было невозможно: под кухонный стол, за диван в зале и, особенно часто, под кровать в спальне.

Правда, отлеживался Зяка недолго. Когда мы, успокоившись, принимались за свои дела, он выходил из укрытия и начинал бродить по квартире, обнюхивая углы, быстро подружился с котом и делал так же, как и кот: царапал диван и грыз обои.

Это начинало раздражать, Зяку прогоняли, но он настойчиво продолжал свою работу. Его прямо тянуло погрызть что-нибудь или порвать.

— Надо купить клетку,— предложила Надя.

— А сколько она стоит? — спросил папа.

— Рублей 500,— предположила мама.

— 500?! — возмутился папа.— Нормально. Клетка пятьсот, и уже на 500 обоев съел. Куда хотите, туда его и давайте.

На семейном совете решили (Надя была против) подарить Зяку папиной знакомой библиотечарше. Библиотечарша мечтала когда-то о декоративном кролике. Папа позвонил ей и уже представлял, что после совета с мужем, ее ответ будет положительным. Но вечером она сообщила, что муж против: «У тебя есть кот — хватит с тебя и кота».

Отнести Зяку Кольке нельзя — обидится. Да и подарки не возвращают.

— В городском парке есть небольшой частный зоопарк. Может там возьмут? — подсказала мама.

В воскресенье все вместе поехали в зоопарк, в котором никогда не были.

На улице, в изгороди, несмотря на солнечный день, стояла сонная лошадь, а в помещении им ударила в лицо духота и непривычный запах, характерный для всех зоопарков. Здесь жили две худенькие лисицы, несколько кроликов, редкий для этих мест дикобраз, в коробке с опилками копошились хомячки, а в пустом аквариуме дремал, тоже декоративный, но рябой кролик.

Симпатичная женщина в спецовке и рукавицах сказала, что денег на покупку кролика у них нет. Мама объяснила, что они хотят отдать Зяку просто так.

— Привозите, посадим вашего к тому рябому,— женщина показала на аквариум.— И если они уживутся...

— Мамочка, он же не рыба,— захныкала Надя.

— Ничего страшного, временно посидит и в аквариуме.

— А что я скажу Кольке?

— Ничего. С двоечниками стыдно тебе общаться,— рассердилась почему-то мама.

И Надя с мамой в выходные отвезли подарок в городской зоопарк.

— Посадили Зяку пока к рябому. Он сразу в угол забился,— рассказывала папе мама, когда они вернулись.

На следующий день, когда папа пришел с работы, в квартире было тихо и как-то пусто. Никто не путался под ногами, не трепал нервы. Но папа еще не один день по привычке вскакивал с места — ему казалось, что кто-то грызет обои. Засыпал он с головной болью. Но болела и душа: как там Зяка? Они его кормили, купали, сушили после бани феном, расчесывали пушистые бакенбарды и челочку между ушей, а там никто за ушком не почешет.

И однажды папа, не вытерпев, поехал в зоопарк.

Зяка сидел, забившись в угол какой-то клетки: грязный, худой и всклокоченный. Рядом стояла миска с нетронутой едой.

— Воды даже не было,— рассказал, возвратившись, папа.— Ну, и что будем делать? — он вопросительно посмотрел на маму и Надю. После всего увиденного в городском парке, папа был согласен на все.

— Я уже заказала большую птичью клетку,— радостно сообщила мама.— Мы тоже были у Зяки и все видели.

Папа обрадовался, что их решения совпали, потому что и сам соскучился по этому худощавому комочку.

В понедельник у мамы был выходной. Она купила на рынке пластмассовую корзину для перевозки животных. В зоопарке нас ждал Зяка.

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Степка жил в небольшом поселке и давно мечтал сходить в зоопарк или цирк. Зоопарк был в другом городе. Там жил дядя Коля, ехать к которому на электричке часа три. Степку одного не отпускали — мог заблудиться в большом городе.

Все решил телефонный разговор с дядей. Договорились, что здесь Степку посадят на электричку, а там дядя встретит его.

Но дяди на станции не оказалось. Степка подождал некоторое время и, когда большая стрелка на вокзальных часах перескочила на другую цифру, подошел к полицейскому:

— Вы не знаете, где улица Совнаркома, дом 8?

— Совнаркома? Это идешь прямо и упираешься в кинотеатр. А первый дом слева — твой.

Степка шел по улице и рассматривал витрины магазинов. В одной из них он увидел чучела и клетки.

— ЗООмагазин,— прочитал Степка и без колебания открыл дверь.

Чего здесь только не было! Прозрачная стена из аквариумов с разными рыбками, хомячки, декоративные кролики, много скрипучих попугайчиков, о которых давно мечтал Степка. Одним словом, все что угодно, кроме слона. Слон ждал Степку в зоопарке, а потому Степка поспешил на выход.

Он быстро отыскал дом дяди и его шестую квартиру. На звонок никто не вышел. Степка позвонил еще раз, и еще...

И вдруг Степке послышались шаги. За дверью дяди Колиной квартиры кто-то ходил. Степка перестал дышать и прислушался: шаги то удалялись, то снова осторожно приближались.

Он нажал на кнопку звонка.

— Дядя Коля, откройте! Это я, Степка!

Нет, ему не почудилось, по коридору кто-то ходил: быстро-быстро туда-сюда. Степка опять требовательно позвонил. Но никто не откликнулся и дверь не открыл.

Он сел на ступеньки, прижал к себе рюкзак и прислонился к стенке...

Его разбудил дядя Коля.

— Ты давно сидишь? Я уже все электрички встретил — нет тебя. Хотел уже звонить родителям — узнавать: в чем дело.

— У вас кто-то за дверью ходит, — сказал Степка.

— А это мы сейчас посмотрим, — улыбнулся дядя Коля, открывая дверь.

Навстречу им из кухни выбежала газета.

Когда дядя включил свет, газета развернулась на месте и покосолапила в темную комнату.

— Это ежик. Постель на ночь готовит, — пояснил дядя.

— Ежик? — удивился Степка.

— Ну да, ежик. Недавно у подъезда в кустах подобрал, Лапку, видно, поранил. Подлечу его маленько, а потом в зоомагазин сдам на чучело. Какие ни есть, а деньги.

Ночью Степка несколько раз просыпался и слышал, как шуршит газетами ежик.

Когда утром он проснулся, в комнате никого уже не было. На столе лежала записка: «Завтрак на плите. В зоопарк пойдем завтра». Рядом лежал ключ, скорее всего, от квартиры.

И тут он вспомнил про ежика. Ежика нигде не было. «Неужели уже отнес?» — испугался Степка.

Он прошел в другую комнату и заглянул под шкаф. Там шевелились обрывки старых газет. Это сонно дышал ежик. Рядом стояло пустое блюдо.

Степка быстро выложил привезенные дяде гостинцы из рюкзака. Одно яблоко он оставил на обратную дорогу. Достал носовой платок и положил в него сонного ежика.

«Мы с ежиком паехали дамой. Степка», — написал он на обратной стороне записки.

Дорога к станции шла направо. Степка повернул налево, в городской парк.

Он прошел вглубь парка, вырыл под кустиком ямку, выстелил ее травой и осторожно положил в нее спящего ежика.

В животе заурчало от голода. Он вспомнил про яблоко. Наливное, душистое, оно еле помещалось в Степкиной ладони.

— Я только немножко... — сам себе сказал Степка. Он положил надкушенное яблоко рядом с ежиком и зашагал в сторону железнодорожной станции.

«ТАРЗАНКА»

Я с нетерпением ждал лета, и оно, наконец-то, наступило. Мы закончили работу на пришкольном участке и шагнули в пятый класс. В моем дневнике, как стулья в кинотеатре, стояли «четверки». Среди них даже одна «пятерка» красовалась — по физкультуре.

Мама с папой радовались окончанию учебы не меньше, чем я. Они наперебой предлагали мне разные мероприятия и даже поездку в Турцию, но победило папино предложение навестить своего друга по службе в армии и заодно покататься на «тарзанке».

Кино про Тарзана я смотрел у Валерика — моего закадычного друга. Мы смотрели его почти каждый день, пока не надоело. Но никакой «тарзанки» мы там не видели.

И вот в воскресенье после обеда мы отправились на нашей новенькой машине в необычное путешествие.

Пруд был большой. Со всех сторон его окружали кусты, деревья и камыши.

— Ну что, на «тарзанку» идем? — спросил папа.

— Конечно,— согласились мы с Валериком и пошли с папой в ту сторону, где слышались веселые детские голоса.

Никакого Тарзана мы, конечно, не увидели. Обыкновенные сельские мальчишки, черные от загара, топтались на плотине под высоким деревом.

— А вот и «тарзанка»,— показал папа на длинную веревку, которая была привязана к высокой толстой ветке.

— Кто из вас смелый? — улыбаясь, папа обратился к мальчишкам.

Они с ухмылкой переглянулись. Скорее всего, смелыми здесь были все.

— Федька, покажи городским класс!

Ростом Федька оказался ниже всех — худенький, конопатый. Даже ниже нас с Валериком. Чтоб достать до веревки, Федьке надо было встать кому-то на плечи. Но друзья без труда подбросили его к «тарзанке», затем резко потянули назад, и — отпустили. Федька как маятник качнулся в сторону пруда и в самой высокой точке полета отпустил руки, и красиво нырнул в воду.

— Кто следующий? — посмотрел на нас папа.

— Надо размяться перед прыжком,— сказал Валерик, размахивая руками в разные стороны. Но мне показалось, что он специально тянет время. Первым прыгать ему не хотелось. Но казаться трусами перед чужими ребятами, тоже было зазорно.

— Папа, давай я,— охрипшим от страха и волнения голосом выдал я и посмотрел на Валерика. Тот заметно повеселел. А папа, точно перед полетом в космос, принял меня инструктировать:

— Долетаешь до воды и отпускаешь руки. И не бойся, я рядом.

Он посадил меня на «тарзанку» и сильно толкнул. Ушел из-под ног берег, можно прыгать, но пальцы не хотели разжиматься, и я, болтая ногами, полетел обратно.

— Ты чего? — крикнул папа.

— Скорость маленькая,— объяснил я.

— Повторим? — спросил папа.

— Повторим.

Местные мальчишки собрались в кучку и с интересом наблюдали, чем закончится мой полет. Валерик даже разминаться перестал.

Когда я перелетел плотину и понесся опять к пруду, папа еще раз толкнул меня. Прыгать было страшно, но не болтаться же на веревке целый день? И я отпустил палку. В этот момент кто-то крикнул так страшно, что вода подо мной расступилась, и все звуки вокруг на мгновение стихли.

Когда я вынырнул, папа на берегу хлопал в ладоши, а Валерик от радости прыгал и что-то орал. И я, не торопясь, как олимпийский чемпион, поплыл к берегу.

— Это кто так кричал во время моего прыжка? — спросил я гордо папу.

— А нам показалось, что это кто-то орал от страха,— и папа посмотрел на Валерика:

— А ты плавать умеешь?

Валерка умел только по-собачьи, а потому выдал:

— Умею.

— Ну что, прыгаем? — спросил его папа.

— Прыгаем,— ответил Валерик. В этот момент он больше походил на тушканчика, чем на Тарзана.

Начиналось все хорошо. Валерик взмыл над прудом, и мы следили, когда он прыгнет. Но «тарзанка» с висачим, точно сосиска, Валериком вернулась обратно.

— Все нормально? — спросил папа.

Сосиска почему-то молчала и болтала ногами.

— Если боишься, то не прыгай,— сказал я.

— Счас прыгну!..— почему-то заорал Валерик и крепче уцепился за палку.

...Он шлепнулся в воду почти возле самого берега и поднял такой фонтан брызг, точно в воду бросили глубинную бомбу. В этот момент лягушки пруда от страха, наверное, выскочили на берег и повертели лапками у виска: ты, парень, случаем не ква-квакнулся?

Валерик через мгновение показался из воды и, задрав голову, заработал руками точно винт моторной лодки.

— Вставай, там мелко! — крикнули ему местные ребята.

Валерик бросил мутить воду и встал на ноги. Воды было по пояс.

— Эх ты, Тарзан,— обнял я Валерика.

— Ничего. Не получилось сегодня, получится завтра,— подбодрил его папа.

Солнце склонилось над прудом. Мы сели в машину и оглянулись. Сельские мальчишки уже ушли, и только «тарзанка» одиноко раскачивалась на дереве.

Иван Павлов
(г. Москва)

БЕСЕДЫ С ДОСТОЕВСКИМ

Иван Павлов, поэт и прозаик, член Академии российской литературы и Творческого клуба «Московский Парнас»

Казалось, небо перевернулось вверх дном и начался новый потоп, как наказание за наше неправильное земное житие. Все дышало сыростью, и было как-то неуютно на душе. Одним утешением оставались книги, которые как никогда читаются с большим желанием в ненастную погоду. И, конечно, предоставляется возможность немножко пофилософствовать с самим собой о смысле жизни и вообще о разном, и о грустном тоже. Увы, но плохая погода навевает такие желания. Солнце — другое дело: оно зовет к жизни. Видимо, грусть необходима, как и радость, поэтому и бывает ненастье.

В этот раз мне на глаза попался Достоевский. «Преступление и наказание». Конечно, читал роман и в юности, и в более зрелые годы. Книги, как и люди, их нельзя познать до конца с одного или двух раз, они каждый раз выглядят другими, так как мы меняемся и читаем другими глазами. Чтобы понять сразу такого гиганта, как Достоевский, нужно не один пуд соли съесть...

Читать я его, правда, в тот вечер не стал. Мы просто с ним немного побеседовали. Оказывается, это можно делать, если твои мысли совпадают по частоте с мыслями другого человека, даже если его уже нет в живых. Мысли не умирают: они — вечные странники и ищут соприкосновения со своим подобием, чтобы родить новую мысль.

Беседы с Федором Михайловичем стали для меня в какой-то степени — ритуальными. Говорит Достоевский, как правило, вполголоса и почти шепотом, пока что-нибудь его особенно не возбуждает. Тогда он воодушевляется и круто возвышает голос. Он говорит всегда простым, живым, непритязательным языком. При этом он часто шутит. Но самое главное, что меня пленило и даже поразило в нем, это его необыкновенный ум, быстрота, с которой он схватывает всякую мысль, по одному слову и намеку. В этой легкости понимания заключается великая прелесть беседы, когда можно вольно отдаваться течению мыслей, когда нет нужды настаивать и объяснять и нет никаких недоумений и неясностей.

И поведал я ему историю, которую услышал случайно на автобусной остановке недалеко от своего дома.

Это произошло несколько лет назад, когда рассказывающей было всего лишь семь лет от роду. У них в доме, за городом, кошка родила восьмерых котят. Прошло три дня. Родители позвали ее, чтобы показать семейную идиллию: кошка лежала на полу, в углу, прижавшись к ней, лежали ее восемь крошечных детенышей. Кошка их

облизывала и гладила своими лапками, то одной, то другой. «Ой, как здорово! — закричала Катя. — Какие они красивые и совсем слепые». «Выбирай одного, какой тебе нравится», — сказали ей родители. Катя, задыхаясь от счастья, выбрала черно-белого. Цвет времени и пространства. Она прижала котенка к груди и спросила: «А другие где будут?» — «С другими тоже разберемся», — сказал, несколько замешкавшись, отец. Он достал из шкафа мешок, побросал в него оставшихся семерых котят и унес их в сарай. Через несколько минут Катя услышала из сарая какой-то шум. Не зная почему, она бросилась туда и, открыв дверь, увидела, как отец бил палкою по мешку с котятами. Со слезами бросившись на него, она стала оттаскивать отца, но он грубо оттолкнул ее и продолжал бить, пока не закончил свое дело. Отец ушел. Оставшись одна, девочка долго-долго плакала. С этого дня Катя потеряла детство и фактически своих родителей.

«Подожди, подожди, — неожиданно прервал меня Достоевский, — я же писал уже подобное». И как-то лихорадочно начал вспоминать, где это он написал. «Да, да, конечно, в «Преступлении и наказании». Открой книгу в самом начале, в том месте, где Раскольникову снится сон», — попросил он меня.

Я открыл книгу и нашел то место. «Вот и хорошо. Зачитай, пожалуйста», — попросил меня Достоевский.

Я начал читать: «Из кабака выходит пьяный мужик, который всех зовет садиться в телегу, хватаясь, что его кобыла всех довезет. Народ смеется, но мужик стоит на своем. Все лезут в телегу.

Кляча еле двигает телегу с места, а мужик нещадно бьет ее кнутом, чтобы быстрее везла. Мальчику жалко кобылу, отец хочет увести ребенка, но тот вырывается и бежит к кобылке. «Секи до смерти!» — в пьяном запале кричит мужик, некоторые заступаются за лошадь, но мужик кричит: «Мое добро! Что хочу, то и делаю! Секи по глазам!» Мальчик бежит возле лошади и видит, как ее бьют по глазам. Сердце в нем поднимается, слезы текут. Так бедную лошадь и забили. С криком пробивается он через толпу к савраске, обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует в глаза, в губы...»

«Достаточно, — сказал Достоевский, — теперь ты убедился, что я писал уже об этом». И сам ушел в глубокое раздумье.

Я молчал и ждал, что он скажет дальше. Наконец Федор Михайлович, прокашлявшись, промолвил: «Как же так получается, я же об этом написал еще в 1870 году, а сегодня у нас 2002 год? Выходит, что ничего не изменилось с того времени. Люди остались такими же, как и были. Творят, не ведая что, отравляют жизнь себе и близким людям, не понимая, что наказание рождается в момент преступления и, как правило, оказывается не менее страшным, чем само преступление». Опять задумался, после чего продолжил: «Мы сами чужды себе. Мы никогда себя не искали». «Да как же, Федор Михайлович, не искали? — перебил я его. — Искали, да еще как искали: революцию совершили, коллективизацию с индустриализацией, культурную революцию провели, миллионы людей уничтожили ради светлого будущего. Однако по-прежнему было все плохо. Заново все сломали, опять все плохо. То с Богом, то без Бога, то снова с Богом. Сколько же можно искать?»

«Все ты правильно говоришь, — многозначительно сказал Достоевский, — но все это не то. Оно все делалось и делается на насилии, которое порождает страх и как следствие — новое насилие. Помнится, я в «Бесах» об этом писал. В стаде искать это — ничего не найти. Каждый должен себя искать сам, тогда и все найдут. Но это не так все просто, внутри у каждого должен быть искатель, а с ним надо родиться, вернее, получить его черты еще при зачатии. Здесь ни мы с тобой и никто уже не поможет. Никто не ответственен за то, что уже существует: что он обладает

теми или иными качествами, что он находится среди тех или иных обстоятельств, в той или этой обстановке. Все зависит от уровня интеллекта, воли и силы личности. Субъективные обстоятельства, обстановка так же для одних навечно, для других лишь исходная точка будущих перемен. Я еще в свое время все это понял, но не успел написать».

«А что же тогда делать?» — тихо спросил я. «Жить, переступая через свое я, самообуздывая и куя себя,— ответил Достоевский,— нести добро и любовь людям. Жизнь хороша, и надо сделать так, чтоб это мог подтвердить каждый». «Но это же опять насилие. Правда, над собой»,— сказал я. «Над собой оно должно быть,— резко отрубил Достоевский,— а над другими — это преступление».

Голос Достоевского вдруг исчез. Я остался снова со своими мыслями наедине. За окном сверкала молния. Отрывисто грохотал гром.

Дождь стучал по крыше, словно молотком забивали гвозди.

Уснуть этой ночью мне так и не удалось. В голове стояли слова Достоевского и бегущие вокруг них мои мысли. Неужели на всей Земле нет места, где обходятся без привычных человеческих раздоров. Почему я такой наивный? Почему не понимаю, что так устроен мир? Что подобное творится вокруг денно и ночно? Все так происходит, что как будто у нас не один создатель? Одна из моих мыслей посоветовала мне встретиться с девушкой Катей, поговорить с ней и узнать, как сложилась ее дальнейшая судьба после случившегося потрясения в детстве, и вообще узнать ее жизненное кредо. Но возникал вопрос: как ее найти? Единственной зацепкой в поиске была та автобусная остановка, на которой я ее встретил, когда она рассказывала историю про котят своей подруге. Так как выбора больше не было, я решил воспользоваться этой единственной возможностью.

Утром дождь прекратился. Светило солнце, немного лаская лучами, зовя к действию, а значит, к жизни. В течение дня я несколько раз проходил мимо той автобусной остановки, надеясь увидеть Катю, однако все было безуспешным. К удивлению, желание найти ее с каждым днем возрастало все сильнее и сильнее. Я глазами искал ее повсюду, где бы ни был. Шли дни, но мои поиски не давали результата.

Прошло лето, наступила пора желтых листьев и холодных осенних дождей, но желание найти ее не оставляло меня, и шестым чувством я ощущал, что скоро ее найду. Так и случилось! Лишний раз подтвердилось, что искренние желания всегда осуществляются.

В этот вечер я был в Большом зале консерватории. Звучали музыкальные концерты Рахманинова. Во втором отделении концерта я не поверил своим глазам: на сцену к фортепиано вышла Катя, ее представили как победительницу многих международных музыкальных конкурсов. Я вскочил с места и фанатически начал аплодировать от счастья, что я ее наконец-то нашел и нашел в таком большом городе, и еще в таком божественном месте!

Концерт начался. Зал затих. Энергетические потоки музыки, управляемые виртуозным мастерством Кати, пронизывали меня с головы до ног. В душе все пело, унося меня куда-то в бесконечное пространство, к звездам, убеждая, что музыка есть воля. И поэтому, чем крепче наша связь с музыкой, тем соответственно лучше для нас, так как она повышает частоту внутренних вибраций и избавляет от отрицательных эмоций. И только тогда, когда я услышал непрекращающиеся рукоплескания зала, понял, концерт закончился. Теперь оставалось главное — не упустить Катю.

Под продолжающиеся аплодисменты я покинул зал, сбежал по лестнице в гардероб, обменял номерок на плащ и выскочил на улицу, заняв выжидательную позицию у памятника П. И. Чайковскому. Я любил это место еще со студенческих лет и часто назначал здесь встречи своим возлюбленным. Мне было очень комфортно. На другой

стороне улицы Б. Никитской, как и прежде, располагался цветочный магазин. Правда, в то, еще студенческое, время улица носила имя Герцена.

В одно мгновение я оказался около цветов. И, как всегда, их выбор здесь был большой.

Хотелось купить огромный букет, но я не стал изменять себе и купил одну большую темно-красную розу. И в цветах излишество недопустимо: теряется главное — мысль.

Вернулся с розой к Петру Ильичу, уйдя в ожидание. Только теперь вдруг возник вопрос: «А как я ей представлюсь?» Ответ напрашивался один: «Человек с автобусной остановки».

«Это все несерьезно»,— подумал я и решил действовать без всякого заранее подготовленного сценария. В этот момент открылась дверь, и вышла сияющая Катя, в цветах и в окружении большого числа поклонников.

Я решительно подошел к ней и, протянув свою розу, представившись, сказал: «Я думаю, что в вашей цветочной оранжерее ее как раз не хватает». «Может быть»,— сказала, улыбнувшись, Катя, оставив ее в своей руке, не передав в общую кучу цветов, что, по моему убеждению, являлось хорошим знаком.

Не теряя своей наступательной позиции, я сказал: «Мне необходимо с вами очень серьезно поговорить,— и тихо добавил,— когда-нибудь». «Вам действительно необходимо серьезно со мной поговорить?» — переспросила Катя. Мои глаза, каждая клеточка моего тела единодушно говорили: «Да!» — но я не смог произнести это слово. Катя, вдруг посмотрев на меня, утвердительно сказала: — «Хорошо. Раз надо, то надо. Тогда прямо сейчас, если вы готовы».

Честно говоря, я не верил своему счастью: все как-то складно получается! И тут же в мыслях ответил сам себе: «Наверно, заслужил».

Уже через несколько минут после дипломатических формальностей расставания с окружающей ее свитой мы сидели в ресторане в Доме журналистов. Это, во-первых, совсем рядом с консерваторией, и, во-вторых, учитывая несколько поздний час, я не стал рисковать пойти в другой ресторан, так как здесь имел стопроцентную возможность предельного внимания: метрдотель Рашид был мой приятель.

Мы заказали легкий ужин и на аперитив, по желанию Кати, французское шампанское «Моет&Шандон». Возникла пауза, говорящая, что пришло время раскрывать карты. И я, посмотрев открыто в глаза Кати, сказал: «Простите меня, но в июне, на автобусной остановке, я случайно подслушал вашу беседу с подругой о давней истории, случившейся с котятками, когда вы были еще ребенком». Катя не ожидала такого начала, слегка передернулась, но, овладев собою, мягко сказала: «Ну и что?». Я, вновь попросив у нее прощения, рассказал ей о ночной беседе с Достоевским и о своих длительных поисках ее для того, чтобы поговорить с ней, дабы рассеять свои сомнения, убедиться, что я не один в своих взглядах на жизнь. Официант принес шампанское, которое дышало прохладой, испуская маленькие пузырьки.

Она взяла бокал с шампанским и, проникательно посмотрев на меня, сказала: «Давайте выпьем за любовь в широком смысле слова. Она, только она, творит чудеса». Наши бокалы встретились.

Выпив глоток шампанского, я спросил ее, что она имеет в виду, говоря — любовь в широком смысле. «Это очень просто,— сказала Катя с улыбкой.— Человек может любить себя, избранно — других людей, но этого, согласитесь, мало. Очень хорошо, когда люди также любят свою страну, город или деревню, где родились и где живут. Любят свою профессию, работу, любят свой дом, свою квартиру, животных, восход и закат солнца и т.д. и т.д. И чем шире у человека диапазон любви, тем больше в нем гармонии, а чем больше гармонии, тем успешнее развитие человека. Кто-то сказал, что ничто так не развивает человека как любовь».

«Я бы еще добавил: путешествия и просвещение», — сказал я утвердительно.

«Принимаю» — подтвердила Катя.

«А как вы считаете, — спросил я ее. — Возможна ли любовь ко всем людям?»

«Конечно, нет, — сходу ответила Катя. — Это просто невозможно, так как любовь вызывает энергетика, а она не подвластна разуму. Любовь приходит неожиданно и также неожиданно уходит. Хотим мы этого или нет, нас никто об этом не спрашивает».

«А как же тогда одна из заповедей Библии: «Возлюби ближнего своего как самого себя?» — спросил я, торжествуя. Катя задумалась.

За соседним столом шли политические дискуссии: «Есть демократия в России или нет?». «Смешно, — подумал я. — Кому демократия, а кому любовь». В этот момент Катя подняла руку и, несколько смущенная, играя, сказала: «Я сделала небольшую паузу, чтобы обдумать, как лучше ответить на ваш вопрос, так как его суть претерпела определенные изменения по мере моего развития. Сегодня же я уверенно могу сказать, что смысл этой заповеди состоит в том, что любовь зарождается и живет на духовной общности людей».

Вы только вдумайтесь: «Возлюби ближнего...». Значит, возлюби человека, близкого тебе по духу, а не любого, который находится от тебя поблизости, рядом. Посмотрите на жениха и невесту в момент бракосочетания — их глаза заполнены надеждой на счастье, на вечную любовь. Посмотрите на этих же людей через два-три года. Вы, в основном, увидите в их глазах тоску, печаль и разочарование. А почему? Да потому что они — чужие по своему содержанию, и никакой брак их не сделает близкими. Помните, у Игоря Северянина: «Чужих освоить бестолково, // чужой останется чужим». Или из другого стихотворения: «Не разницу в характере, а сходство, // в подруге обретенной отмечай. // Побольше верности и благородства, // а там и будешь счастлив невзначай».

«Люди должны стараться делать друг другу добро, — горячо сказала Катя. — Но ведь и здесь масса вопросов. И, прежде всего, понятие добра у разных людей разное. Это удел немногих. У многих людей — прежде всего, вопрос: «Почему я должен кому-то делать добро?» Ты мне сначала сделай что-нибудь хорошее, тогда, может, и я тебе сделаю. Как раз в этом-то и заложен глубокий смысл. Делать добро надо просто так, не за что-то, и тогда получишь все: понимание, любовь и внутреннее удовлетворение. Людей плохих в принципе нет, и многие из них являются таковыми лишь по озлобленности, потому что их кто-то не понимает, кто-то не любит, то есть они не хотят первыми быть добрыми».

На минуту представьте себе ситуацию: идут навстречу по узкому мосту или коридору два человека. Кто-то из них должен отойти в сторону, чтобы прошел другой. Добрый человек сделает это мгновенно, не раздумывая, и движение обоих нормально будет продолжаться. А представьте себе другую ситуацию, когда среди этих двоих нет доброго. Как следствие, произойдет потасовка, которая может закончиться самым страшным.

Почему так все происходит, когда, кажется, все просто? Да все из-за гордыни, сидящей в том или другом человеке, не желающей якобы унижения, а на самом деле ведущей к нему. К сожалению, люди не всегда понимают, чтобы выиграть спор, есть один способ — это уйти от него.

Или другая ситуация: метро, сидит молодой человек. Заходит пожилая женщина, старик или женщина с ребенком. Добрый человек тут же уступит свое место и выйдет на своей станции в приподнятом настроении и счастливым.

Другой же сидит, делает вид, что не видит, кто перед ним, пытается закрыть глаза или увлеченно читать. Уверю вас, он все видит и все знает! Потом, в отли-

чие от предыдущего молодого человека, выйдет на своей станции разбитым и подавленным».

...Заиграл оркестр. Скрипка нежно выводила одну из известных мелодий ансамбля Поля Мориа. Подошел официант. Я попросил его выключить свет в нашем углу и зажечь свечи. Свет погас, загорелись свечи, придав небольшому пространству вокруг нас уют и блаженство.

Прошел Рашид, на ходу спросив: «У вас все в порядке?». Я молча кивнул головой и поднял бокал с шампанским, предложив Кате выпить за нее. Однако она поправила меня, кардинально изменив мой тост: «За жизнь!»

«Хорошо»,— и я выпил до дна.

Выждав еще некоторое время, я задал ей свой главный вопрос:

— Скажите, Катя, все-таки как вам удалось выстоять и найти себя в жизни?

Катя задумалась.

— Знаете, это очень сложный вопрос, но я чувствую, что вы меня поймете. Вы же искали меня для того, чтобы я подтвердила мысли, навеянные вам Достоевским? Скажу сразу, коротко и ясно: жизнь спасает только жизнь. Но каждый должен понимать, что жизнь чем-то напоминает обыкновенный апельсин. Вы понимаете, что я говорю? — спросила Катя.

— Не совсем понятно про апельсин,— развел я руками.

Она улыбнулась.

— Дело в том, что апельсин, как и жизнь,— горький и сладкий, и, если он будет только горьким или только сладким, это уже не апельсин. По сути, наш мир имеет два лица. Плохое и хорошее взаимосвязаны, их нельзя миновать. Все сущее — в двойном числе. И, наконец, два человека — в одном, ибо каждый из нас представляет собой два лица этого мира. Таков закон природы, а значит, и жизни.

Я сразу вспомнил слова отца, который всегда, когда было плохо, говорил: «Ничего, пожили хорошо, надо пожить и плохо».

— По обе стороны нашей жизни,— продолжала Катя,— как бы стоят кувшины с водой: с одной стороны — с хорошей водой, а с другой стороны — с плохой водой, но оба кувшина нужны, так как из них обоих мы черпаем знания и опыт, и начинаем осознавать «что такое хорошо и что такое плохо». И без одного из них невозможно развиваться и идти вперед. Это, знаете, как в истории с мальчиком...

— А что это за история?

— Вам она не знакома? — удивленно спросила Катя.— Тогда слушайте. Жил-был мальчик. Однажды он вышел погулять во двор, а другие мальчишки его побили. И через несколько лет он стал чемпионом мира по боксу.

— Увы,— улыбнулся я.— Не все мальчишки, которых побьют, становятся чемпионами: другой после побития вообще будет всю жизнь заикаться. Кого-то, возможно, надо побить, а кого-то пожалеть, а третьему тактично сделать замечание. Каждый имеет свой ключ, который запрятан, как в сказке, где-то далеко-далеко, но его надо найти, а для этого пройти через определенные тернии.

Мир противоречив и сложен, и в этом его единство,— сказал я.— Без глупых не может быть умных, без сильных не может быть слабых, без холодного не может быть горячего, без верха нет низа и т.д. Определяющим во всем этом является равновесие...

— И мы, люди, идя по жизни, сами друг другу помогаем и сами друг другу вредим,— продолжила, дополняя меня, Катя.— Все зависит от места, времени и обстоятельств. Главное, конечно, в том, чтобы человек не озлоблялся и нес в себе добро и любовь, надеясь, веря и осознавая, что вечером солнце заходит, а утром восходит. В этом-то как раз и состоит суть жизни! И мир бывает справедливым или несправдлив-

вым, в зависимости от времени. Уже кто-то об этом писал, что всему свое время: время миру и время войне, последнее же слово принадлежит истине,— решает она.

— Простите, Катя, но мне все-таки хотелось бы узнать, что конкретно вам помогло сохранить себя тогда, когда случилась история с котятками? — перевел я разговор в прежнее русло.— Согласитесь, вы тогда не так рассуждали, вы ощущали отчаяние...

— Да. Вы, конечно, правы,— согласилась Катя,— сейчас легко говорить, но тогда...

Она сделала паузу, видимо, уйдя ненадолго в то далекое прошлое, после чего, как ни в чем не бывало, сказала:

— Нашлась тогда добрая душа, обогрела меня и моего Барсика, а потом пришла музыка... Но окончательно все встало на свои места, лишь когда ушла обида на моих родителей за историю с котятками.

— Я восхищен вами,— сказал я,— неожиданно прервав рассуждения Кати. Я восхищен, потому что вам удалось простить. Я знаю, что это сделать очень и очень сложно. Но вы это сделали. У одного из современных поэтов, к сожалению, я не помню его фамилии, может, вы знаете? — у него всего четыре строчки касательно прощения, но в них сказано все:

*В прощении одно мгновенье,
Но долгий путь ведет к нему.
И лишь в минуту озаренья —
Оно приходит наяву...*

— Все так и есть — с восторгом среагировала Катя. Ключ к прощению заключается не в годах,— он кроется в понимании, но оно должно прийти. Вопрос только когда?

Наступила тишина. Догорали свечи, оставляя на подсвечниках восковые фигурки. Иногда капли расплавленного воска пролетали, словно сгоревшие звезды, падая на пол. В воздухе парило блаженство, постепенно, но уверенно заполняя наши души.

Я только сейчас заметил, что в ресторане мы были уже одни. У дверей стоял метрдотель Рашид, как верный слуга, оберегая нас от каких-либо возможных посторонних вмешательств. «Как все же хорошо, когда есть понимание»,— подумал я.

Вернулся домой очень поздно, голова, душа и, казалось, каждая клетка моего тела были заполнены Катей.

Выпив немного водки, я поговорил опять с Достоевским, рассказал ему о встрече с Катей, и после некоторых дискуссий мы оба пришли к единодушному мнению, что жизнь прекрасна и удивительна, только надо жить! А жить — значит любить, творить и радоваться. Ведь для этого мы все и приходим в этот мир.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ЗАПЛЕВАННАЯ СТАРОСТЬ И НЕВОСПИТАННЫЕ ДЕТИ

*Где, укажите нам, отчества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?*

А. С. Грибоедов «Горе от ума»

Что-то странное сегодня происходит с природой. Уже наступил декабрь, а на улице по-весеннему тепло. Под яркими солнечными лучами, испаряясь легкой дымкой, высыхала от осенних дождей земля, а в набухших на деревьях почках уже приготовились вылупиться нежные молодые листочки. Висевшее в синеве яркое солнце, бросало на пахнущую весной землю свои теплые лучи, которые, отражаясь от металлических городских крыш, оконных стекол и блестящих своим перламутром автомашин, превращались в маленькие игривые солнечные зайчики.

Старый городской троллейбус, с облупившейся кое-где синей краской, медленно тащился по переполненному автомобилями проспекту в сторону железнодорожного вокзала. В салоне было немногочленно, и сидевшая в кресле кондуктор, судя по внешнему виду, перешагнувшая шестидесятилетний порог женщина, мало обращала внимания на пассажиров, с интересом рассматривая пестревший разноцветными фотографиями молодежный журнал. Полного телосложения, с седой прядью волос, выбивающихся из-под платка, в очках и сером поношенном пальто, поверх которого на длинном ремне висела кондукторская сумка с билетами, она походила на добрую бабушку-пенсионерку; и находившийся в ее руках гламурный журнал, который своими разноцветными фотографиями напоминал женскую баню, контрастно бросался в глаза окружающим. В салоне находились возвращавшиеся из школы дети, и их непоседливость раздражала кондуктора, она никак не могла сосредоточиться на прочитанном.

— Хватит шуметь! — прикрикнула она на детей, но это еще больше раззадорило их. Они громко засмеялись и начали пуше прежнего галдеть и толкать друг друга.— Я кому сказала, хватит шуметь, а то я вас сейчас выгоню из троллейбуса! — повысив голос, еще раз прикрикнула на них кондуктор, но и это предупреждение на них не действовало.— Какие же вы невоспитанные,— с интонацией отчаяния в голосе, проговорила кондуктор и, махнув на них рукой, стала читать журнал.

Погремев своими рогатинами на стыках троллейбуса, покачиваясь из стороны в сторону, медленно подкатил к остановке. В салон вошли несколько пассажиров, среди которых мужчина примерно такого же возраста, что и кондуктор. Одет он был в синий спортивный костюм, белые кроссовки и вязаную темную спортивную шапочку, на его шее был повязан шарф. При себе мужчина имел хозяйственную сумку на колесиках.

— Проездной,— проговорил он, повернувшись к кондуктору, сверкая на солнце позолотой очков.

— Тогда платите за багаж, раз у вас проездной,— отложив в сторону журнал, командным голосом сказала кондуктор.

— Это не багаж, а хозяйственная сумка,— возразил кондуктору мужчина.

— Я сама знаю, что багаж, а что не багаж. Оплачивайте! — тоном, не терпящим возражения, сказала кондуктор.

— Не буду я платить,— категорично заявил мужчина.

— Это почему же? — кондуктор с интересом взглянула на мужчину.

— Потому, что вы не имеете права брать за хозяйственную сумку, как за багаж,— пояснил он кондуктору.

— Да у вас не хозяйственная сумка, а самый, что ни на есть багаж. Если на колесиках, значит багаж,— проговорила кондуктор.

— Это хозяйственная сумка, но только на колесиках,— повторил мужчина.

— Хозяйственных сумок на колесиках не бывает,— утвердительно заявила кондуктор.— Или оплачивайте, или берите багаж в руки и держите его.

— Ща-а-с! — протянул мужчина нараспев.— Мне, наверное, больше делать нечего, кроме того, чтобы сумку в руках держать. Размечталась! Иди, занимайся своим делом, и нечего по пустякам к пассажирам приставать! — недовольно произнес мужчина, перейдя в разговоре на «ты».

— А ты тут не командуй! И не учи! Учитель нашелся! Я сама знаю, что мне делать и куда мне идти! Пристаю я к нему! Нужен ты мне был сто лет! Я тут на работе! — не выдержав, повысила голос кондуктор, также перейдя на «ты».

— Вот и работай, а нечего тут со мной лясы точить! — так же повысил голос мужчина.

— Не ори на меня! Я работаю! Давай плати за багаж! — еще громче прежнего, проговорила кондуктор.

— Ты не работаешь! Ты свою работу извращаешь! Ты извращенка!

— Что-о-о?! — возмутилась кондуктор.— Ты еще будешь меня оскорблять?! Да я тебя...— она остановилась в нерешительности и замолчала ненадолго, словно думая о том, какую бы ей придумать кару для неподчиняющегося пассажира.— Я вот сейчас эту сумку твою и тебя вместе с ней из троллейбуса выкину на улицу! — наконец-то придумала она и повернулась в сторону водителя.— Витя, останови троллейбус, я сейчас тут одного козла высажу, он за багаж не платит.

— Это кто козел?! Это я козел?! — возмутился мужчина.

— Ты, а кто же еще,— уточнила кондуктор и, развернувшись, пошла к своему креслу. Возмущенный мужчина кинулся за ней следом.

— Как ваша фамилия? Назовите мне свою фамилию! — вновь перейдя на «вы», потребовал он.

— Я тебе сейчас назову фамилию! Совсем обнаглел! — возмутилась кондуктор.— Пошел вон отсюда из троллейбуса! — задыхаясь от возмущения, побагровев, крикнула кондуктор, при этом на ее губах пеной выступила слюна, которая тут же с губ сорвалась и полетела мужчине в лицо.

— Да ты что себе позволяешь?! Ты по какому праву мне в лицо плюешь? Да ты... да я тебя!..— мужчина от волнения никак не мог подобрать в этот момент нужные ему слова.— Свинья! — вдруг произнес он, вытирая шарфом свое лицо. Затем, издав харкающий звук, плюнул в сторону кондуктора! «Кх-х-х тьфу!»

Выветивший словно снаряд из пушки плювок, описав в воздухе дугу, точно угодил кондуктору в переносицу, забрызгав при этом стекла ее очков.

— Товарищи! Вы посмотрите, товарищи, что этот хам себе позволяет?! — обра-

тив свой взор к пассажирам, визгливо закричала кондуктор, но пассажиры сидели молча.

Поняв, что помощи ждать не от кого, кондуктор решила отомстить за свое унижение.

— Козел! — глядя на мужчину, возмущенно сказала она и, пожевав немного губами, так же плюнула мужчине в лицо. «Тьфу!»

Побелев от злости, тот вновь вытер лицо шарфом, после чего повторил харкающий звук: «Кх-х-х тьфу!» Однако кондуктор предусмотрительно выставила перед собой кондукторскую сумку, и плевков не долетел до цели.

— Козел! Тьфу! Тьфу! — укрываясь за сумкой, кондуктор продолжала плевать в мужчину, который отвечал ей редкими и не достигающими цели плевками. «Тьфу! Тьфу! Тьфу!», — доносились из-за сумки харкающие звуки, но мужчина, подав вперед корпус и склонив голову, словно боксер на ринге, начал умело делать нырки и уклоны и летевшие плевки пролетали мимо него.

Попавшие под перекрестные плевки пассажиры какое-то время были шокированы происходящим, но затем, спохватившись, оплеванные, отбежали в сторону и столпились у двери. Остальные пассажиры начали громко возмущаться и вертеть пальцем у своего виска. Находившиеся в троллейбусе ученики зашлись от хохота, и только одна девочка лет примерно двенадцати встала со своего места и решительно встала между мужчиной и кондуктором.

— Перестаньте! Пожалуйста, перестаньте! — сказала она. — Не надо больше ссориться и плевать. Когда люди плюются, — это очень плохо. — Мужчина и кондуктор перестали плевать друг в друга и с каким-то удивлением и даже интересом взглянули на девочку. — Может быть вам, дедушка, за сумку заплатить нечем? — спросила девочка у мужчины. — Давайте я за вас деньги отдам, — проговорила она и протянула кондуктору десятирублевую купюру. — Нате, возьмите за дедушку.

— Ну что ты, девочка, не надо, убери деньги, — тяжело дыша, проговорила кондуктор и, опустив красное от стыда лицо, направилась в сторону водителя.

В этот момент троллейбус остановился на остановке, и стоявшие на улице люди с изумлением увидели, как из открывшейся двери троллейбуса, сбивая на ходу многих пассажиров, выскочил на улицу и бросился бежать мужчина в синем спортивном костюме и вязаной шапочке, волоча за собой громыхавшую на асфальте сумку на колесиках. Неожиданно пошел теплый дождик, и под его легкое шелестение над городом разноцветными красками заиграла радуга.

— Грибной дождик-то, — удивился один из входящих в троллейбус пассажиров.

— Значит, скоро за грибами пойдём, за декабрьскими опятами, — пошутил кто-то.

Что-то странное сегодня происходит с природой, что-то странное сегодня происходит со всеми нами.

Наталья Кожемяко
(г. Щекино)

РАСКАЯНИЕ

Окончила ТГПУ им. Л. Н. Толстого, факультет иностранных языков. Работает в военном комиссариате Тульской области по Щекинскому району. Стихи пишет с детских лет. Публиковалась в газете «Щекинский вестник», литературных альманахах «Тула», «У засечной полосы», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори».

Когда я с самого раннего детства мечтала стать сестрой милосердия, сиделкой или кем-нибудь вроде этого, чтобы помогать всем страдающим людям, я даже предположить не могла, насколько это тяжело. Не потому, что приходится таскать тяжести, как грузчикам. Тяжело морально. Тогда в мою детскую, а потом и юную (кстати сказать, хоть и добрую, но достаточно легкомысленную) голову и прийти не могло, что ухаживающие за больными и одинокими — это самые несчастные люди на свете. Каждый человек терпит только свои муки, а они переносят горести всех страдающих, которым помогают.

Вот и теперь я смотрю на эту худенькую, маленькую, сморщенную старушку, лежащую передо мной, и сердце сжимается и разжимается с какой-то прямо физической болью. Нравственные страдания часто переходят в физические, достигая определенной своей вершины.

Старушка то бредит, то приходит в себя. Она скоро умрет, говорят врачи. Но мне жалко ее не поэтому. Напротив, мне в голову уже заползла тлетворная мысль, что смерть для нее, пожалуй, станет счастливым избавлением от этих адских мучений, прекратить которые в этом мире уже никто не в силах.

Она страдала не только физически от душившего ее иногда кашля, резкого покалывания в груди и головной боли, доводившей ее до потери сознания и горячечного бреда. Гораздо больше ее истязала и выматывала какая-то неотступная мысль, обрывки которой она повторяла, впадая в беспамятство.

Сегодня я не могла оставить ее даже на десять минут: ей было гораздо хуже, чем обычно. Наверное, это был последний день ее пытки.

Уже часов десять или около того я сидела рядом с кроватью умирающей, изредка пытаюсь напоить ее водой, когда сухие потрескавшиеся губы едва шептали: «Пить!». Сама я не хотела ни пить, ни есть: кусок в горло не лез от ужасного зрелища физических и моральных терзаний и приближающегося конца.

Вдруг старушка, снова придя в себя, как-то даже слишком ясно и отчетливо спросила меня: «А знаешь, что хуже всего? Из-за чего я больше всего мучаюсь? А вот из-за этого! Из-за него!». Она вытянула палец в направлении висящей на стене фотографии. Без рамки. Просто приколата кнопкой.

На фотографии был очень симпатичный улыбающийся молодой человек, стоящий в саду под яблоней.

Я посмотрела на Анну Владимировну — так звали старушку — с некоторым недоумением. Чем мог ей так досадить этот парень с по-детски добрым, открытым лицом? И если он сделал ей что-то такое ужасное, что даже перед смертью терзало ее, зачем было вешать его фотографию перед самой кроватью и постоянно смотреть на нее?

Но Анна Владимировна не бредила. Ее взгляд был ясным, смотрела она прямо на меня, на мою реакцию. И все ее поведение было совершенно осмысленным и осознанным.

Видимо это был тот короткий промежуток ясности сознания, который обычно бывает незадолго до смерти у долго и тяжело болеющих людей.

Она горько усмехнулась: «Не веришь? Не понимаешь? Ну так я тебе расскажу. Все расскажу». Мне показалось, что ее хриплый голос при этом дрогнул и стал еще глуше. А она, между тем, начала свою, наверное, единственную в жизни и такую необходимую ей самой исповедь:

— Сережка — мой младшенький, любимый... был. Я их одна поднимала. Одна двух мальчишек. Тоже не шутка... Сашка — тот шустрый, самостоятельный. Женился. В Москву подался. Все работает, работает. А сейчас — в Надьме, в командировке. Звонил. Попрощаться, наверно, с ним не успею. Не дождусь. Ну да что там! Я с Сережей не успела попрощаться!..

Две крупные слезы медленно катились по морщинистым щекам Анны Владимировны. Она умолкла на несколько минут, а затем продолжала:

— Сережа всегда ласковый был, заботливый. По дому все делал. Помогал мне во всем. И не такой, как другая молодежь: пьют, гуляют, по улицам шатаются. Сережка мой умный был. И работающий. Учился хорошо. На гитаре играл.

А потом встретил Янку эту. Она его как приворожила. Чуть свободная минута — так к ней. Иной раз говоришь с ним, а он и не слышит — о ней все думает.

А она ладно бы красавица была да из хорошей семьи. Так нет же. Голь перекатная. Да и из себя обычная. Девка как девка. Таких кругом полно.

А на него все девушка одна заглядывалась. Хорошая такая. Людочка. Отец у нее — начальник паспортного стола был. И так и сяк она к Сереженьке, а он — ни в какую. И глядеть на нее не хочет.

Ну как, думаю, его с Людочкой свести? Начнешь про нее говорить — только отмахивается. Я тогда так стала: как он к своей Янке собирается, я ему дело какое-нибудь срочное выдумываю, или, вроде как, сердце болеть начинает.

А тут и Людочка к нам заходить стала — я ее с мамой все на чай приглашала. Посидим, поговорим.

Не очень это все помогало. Но понемногу я стала замечать: что-то у него с этой Янкой не ладится. Ревнует она, значит.

Ну как же не воспользоваться было их разногласиями?! Вот я однажды Сережку послала Людочкиной маме пирогов отнести — я их к Новому году напекла. Людочка как раз одна должна была дома быть. Ну, он пошел, конечно. А Людочке в это время еще и плохо стало. Да может и не стало... Девочка-то умная, хитрая всегда была...

Ну не в том дело. Задержался Сережа там. Часа на два!.. А тут его Янка звонит. Ну, я ей и сказала, что Сережа у Людочки давно уже, что Людочка ему нравится, просто он не может сам об этом сказать — обидеть ее, Яну, боится. Ну, еще что-то такое говорила. Чтобы не звонила она, не трепала ему нервы, если и правда любит... Много всего сказала.

Она потом трубку бросила, звонила ему на сотовый — не поверила мне. А он-то у меня мальчик честный. Ну и подтвердил: да, мол у Люды, ей плохо стало — помо-

гаю. Больше она и не спросила ничего. Это мне уже Сереженька рассказывал. Он со мной обо всем разговаривал.

Так с тех пор и расстались они. Гордая, вишь ты, была, Янка-то. И слушать его не хотела. И ему, слава Богу, ничего о нашем разговоре не сказала.

А через год или около того с собой покончила. Отравилась.

Сереженька как с ней расстался совсем было извелся. Сам не свой ходил. Похудел. Есть перестал. Все в комнате закроется и сидит часами. К ней больше не ходил. И объясниться не пытался. Молча мучился.

Но потом ничего, отошел немного. Стал опять на гитаре потихоньку бренчать, есть понемногу начал.

Да и Людочка все к нам ходила, старалась отвлечь его. Он даже, вроде, ласковей с ней стал. Она мне уже намекала, что поженятся скоро. И подружкам так говорила. Вот до Янки это известие и дошло...

Яна когда умерла, Сережа и вовсе пропал. Все себя винил: она ранимая была, не перенесла его предательства... Да какое предательство, когда они год как расстались?! Что ж он все о ней должен горевать!

А он тогда два дня в комнате закрывшись сидел. А на третий ушел...

Губы Анны Владимировны судорожно задрожали, голос оборвался, и, уже глотая слезы, она еле слышно прошептала: «Ушел... да так и не вернулся... Под поезд бросился».

Когда она успокоилась, за окном было уже совсем темно. Ночная тишина прерывалась теперь только тяжелым дыханием старушки и редкими, но сильными порывами ветра.

Вдруг Анна Владимировна снова заговорила. Но голос был уже какой-то совсем другой, незнакомый. И шел он как будто из неведомой недостижимой глубины:

— Я как лучше хотела. Думала, на Людочке женится, счастлив будет. У меня будут оба жить... А у него любовь... Да если б я знала, как все обернется!.. Виновата я перед ним, перед Сереженькой... И проститься не успела... Я ж его любила так!.. Разве я думала, что так получится... Виновата я перед тобой, сынок! Ты прости меня! Виновата я!..

Она снова немного помолчала и едва слышно произнесла: «И перед Яной виновата...»

Наверное, она впервые осознала свою вину перед этой девушкой, чью любовь когда-то так безжалостно растоптала.

После этого старушка снова впала в забытие. В последний раз в жизни.

Через час ее не стало.

А я все сидела в каком-то оцепенении, глядя в черное окно. И в голове неотступно звучал слабый хриплый голос: «Виновата я...», снова и снова порождая вопрос: виновата ли она, разлучившая сына с любимой девушкой, или виноват сам парень, отступивший от своей любви из-за слабого характера или просто потому, что и не было никакой любви?..

Ветер все сильнее завывал на улице, частые капли дождя монотонно барабанили по стеклу. А мне в душу предательски заполз, чтобы уже навсегда поселиться там, извечный русский вопрос: «Кто виноват?».

